

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

ТОМ II. Книга 1
(Киевская и Московская Русь)

Составители *А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский*

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва 2002

К ПРЕДЫСТОРИИ РУССК. «ГОСУДАРЬ»*

1. В этимологической литературе русск. *государь* без исключений возводится к более раннему *господарь*; разногласия имеются лишь в способе объяснения перехода *господарь* > *государь*¹. Одни исследователи считают этот процесс фонетическим², другие предполагают более сложный путь — обратное заимствование из тюркских или финских языков³. Было высказано также мнение, что *государь* получилось из *господарь* в результате контаминации со словами *суд*, *судить*⁴. Ни одна из перечисленных точек зрения не является достаточно аргументированной, и поэтому вопрос о характере перехода *господарь* > *государь* нельзя считать решенным. В настоящей статье мы не касаемся вопроса об этом переходе, хотя, быть может, наши наблюдения могут послужить ориентиром для решения и этого вопроса; наше исследование посвящено ранней истории слова *господарь* и, в первую очередь, появлению у него значения ‘монарх’, которое и обусловило употребление его в качестве великокняжеского, а затем царского титула.

2. Этой — историко-семантической — стороне вопроса в этимологической литературе уделяется мало внимания; обычно игнорируется факт, что *господарь* является общеславянским только в значении ‘хозяин, владелец’, а не как титул главы государства. В этом последнем значении слово отмечается только в восточнославянских и в сербском языках⁵. Переход значения ‘хозяин’ > ‘монарх’ не

* Печатается по изд.: Studia Slavica Hung. XXIX. 1983.

¹ Преобр I, 152, Фасмер I, 446, 448, ШанЭСРЯ I/4, 146, 150, ТрубЭССЯ 7, 59—60.

² Преобр, ШанЭСРЯ.

³ E. Berneker, Slavisches etymologisches Wörterbuch I (A—morъ), Heidelberg 1908—1913, 335.

⁴ Черных 213—214.

⁵ Сочетание *król gospodarz* зафиксировано также в древнепольском (SStp II, 467), однако только в единственном памятнике второй половины XV в., в формуляре присяги членов городского магистрата, записанном на первой странице рукописной книги, содержащей тексты городских уставов на латинском и немецком языках (Rękopis Waworowskich nr 1014): «Ja przysągam bogu e krolowi gospodarzowy e takosz gego namystnikum y wszym tego mista werzen bycz», «My przysagamy bogu Crolowy gospodarzowy (y tagosz yego namistnycom)» (J. Łoś, Przegląd językowych zabytków staropolskich do r. 1543. Kraków, 1915, 539). Издатель не указывает место написания этого памятника, однако наличие нетипичных для древнепольского форм *misto*, *namistnik* (ср. SStp V, 67) указывает на украинское влияние. Поэтому можно считать абсолютно вероятным, что изолированное др.-польск. *gospodarz* в этом значении является украинизмом. Ср. также сочетание *hospodar krol* в разьежей грамоте львовского воеводы 1400 г., где слово в этом значении выступает в украинской фонетической форме: «Ja Pan Jan Woiewoda Lwowski, Pan Klins, Pan Daniło Zadrzewiczki, Viznawamij tho thym naszym listym podluk nasego *hospodara krolia* przykazania, ktorí kazal roziechacz granice...» (J. Łoś, указ. соч. 283; текст грамоты издан Ф. Бентковским по списку

является чем-то само собой разумеющимся, новое значение в тех языках, в которых оно имеется, возникло, по всей вероятности, намного позднее распада православянской языковой общности, из которой отдельные славянские языки унаследовали слово *gospodarь* только в исходном своем значении.

Слово *господарь* ‘хозяин, владелец’ нужно признать праславянским наследием также в восточнославянском, несмотря на то, что А. А. Шахматов⁶ и — вслед за ним — Р. О. Якобсон⁷ считали его заимствованием из чешского (причем Шахматов — через польское посредство) на том основании, что это слово уже в древнейших памятниках выступает часто без начального *г-*: *осподарь*. От этой точки зрения заставляют нас отказаться следующие обстоятельства: 1. В восточнославянских памятниках XI—XIV вв. *господарь/осподарь* ‘хозяин’ хорошо засвидетельствовано как на севернорусской, так и на южнорусской территории, как в памятниках церковно-литературного, так и делового характера. 2. Слово *господарь* в своем исходном значении вытесняется позже тюркизмом *хозяин* только в великорусском, но в украинском (*господар*) и белорусском (*гаспадар*) языках оно остается донныне основным словом для выражения понятия ‘хозяин’ (укр. *хазяїн* следует считать поздним заимствованием из великорусских акающих говоров). Надо принять, — вопреки предложению Шахматова, — что северновеликорусские написания типа *осподи*, *осподинь*, отражающие произношение с [γ], вызваны не влиянием якобы заимствованного из чешского [γ]*осподарь*, а наоборот, произношение [γ]*осподарь* распространилось на северновеликорусской территории под влиянием однокоренных церковнославянских слов.

Слово *господарь/осподарь* ‘хозяин’ засвидетельствовано в новгородской берестяной грамоте № 247 (XI в.):

- (1) **А господарь въ нетажѣ, недѣе⁸,**

в Синайском патерике XI—XII вв.:

- (2) **Не вѣдущю господарю нивѣ⁹,**

в надписи на чаре черниговского князя Владимира Давидовича до 1151 г.:

- (3) **а се чара кня[жа] володимиро**

Коронной Метрики [кн. LXXXV, л. 448], см. *Historia literatury polskiej wystawiona w spisie dzieł drukiem ogłoszonych przez F. Bentkowskiego, I. W. Warszawie i Wilnie 1814, 185).*

⁶ А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода истории русского языка (Энциклопедия славянской филологии 11, 1). П., 1915, 178.

⁷ R. Jakobson, *New Slavic Etymological Dictionaries: Slavic Word 1 (=Word 8 [1952] 4)*, 390.

⁸ А. В. Арциховский, В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1956—1957 гг.). М., 1963, 69—71. Слово встречается также в отрывочной грамоте № 465 (первая половина XV в.), где оно, однако, употреблено уже в качестве титула, по мнению издателей, — по отношению к князю Константину Дмитриевичу: [к осподи]нѣ к осподар[ю]. На основании исторических соображений издатели относят данную грамоту к 1420 г., см. А. В. Арциховский, В. Л. Янин. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1962—1976 годов). М., 1978, 61—63.

⁹ СрезнМат I, 563, ср. Синайский патерик. Издание подготовили В. С. Гольщенко, В. Ф. Дубровина. Под ред. С. И. Коткова. М., 1967, 61; ср. также: *въсхотѣ на господарь съжещи* (там же, 146).

ва давыдов [и] ча кто из нее
 пь [е] томү на здоровье а хвала
 бога [и?] своего шподаря великого
 кня [за]¹⁰,

как социальный термин ‘владелец раба, холопа’ отмечается в ряде грамот и юридических документов:

- (4) **А старостѣ ни холопа ни робы без господаря твоимъ суднямъ не судити**¹¹,
- (5) **а кто холопъ или роба иметса тѣгати съ осподарем и пошлетса на правду, а не бѣдет по них порѣки, ино их обвинити**¹²,

в дополнительной статье Русской правды («О коне»):

- (6) **А кто конь купити князь боярин, или купечь, или сирота, а бѣдетъ в коне червь или проестъ, а то пондетъ к осподарю, ү кого бѣдетъ купил, и томү свое серебро взяти опять взад**¹³,

в таком же значении слово **гдрь** встречается в Псковской судной грамоте и в Судебнике Ивана III 1497 г., а также в московских судебниках XVI в. Отметим, что сокращенное написание **гдрь** без всякого основания читается издателями этих текстов как *государь*, хотя слово в них встречается только под титулом¹⁴, а в актовом материале до XVI в. нет никаких положительных свидетельств в пользу наличия формы *государь*, между тем как *господарь/осподарь* засвидетельствовано многократно. Иногда сокращенное написание **гдрь** раскрывается издателями как *государь* даже в западнорусских текстах, напр., в западнорусском переводе Статута Казимира III 1347 г. (в списке конца XV в.):

- (7) **годитъся государю того жыта боронити своего**¹⁵,

¹⁰ СрезнПам 60—61, ср. также ОбнБарх I, 35; Б. А. Рыбаков. Русские датированные надписи XI—XIV вв. (Археология СССР. Свод археологических источников. Под общ. ред. Б. А. Рыбакова. Вып. Е1-44). М., 1964, № 24, с. 28—29 и табл. XXIX. Исследователи обычно не устаивают перед искушением видеть в этом тексте слово *осподарь* в значении ‘государь’ (ср. СрезнМат II, 735). Однако нельзя не заметить, что, с одной стороны, эта фиксация опережает на два столетия первую фиксацию слова *господарь* в подобном значении в западнорусском (см. ниже), а с другой — что в тексте надписи на заздравной чаре абсолютно подходит значение ‘хозяин’; ‘пусть хвалят хозяина, великого князя’.

¹¹ 1304—1305 гг., ГВНП № 6, с. 16; ср. также № 7, с. 17—18; №№ 9—10, с. 20—22, № 14, с. 26 (1307—1327 гг.).

¹² Ок. 1396 г., список середины XV в., ДДГ № 15, с. 42.

¹³ Правда Русская I, Тексты. Под ред. Б. Д. Грекова. М.—Л., 1940, 289 (Пушкинский список второй половины XIV в.).

¹⁴ См. фотокопии в изданиях: Псковская судная грамота. Изд. Археографической комиссии. СПб., 1914; Судебники XV—XVI вв. Подгот. текстов Р. Б. Мюллер и Л. В. Черепнина. М.—Л., 1952.

¹⁵ СрезнМат I, 571 по АЗР I, № 2.

хотя в подлиннике это слово стоит везде под титлом¹⁶ (ср. также *осподарь* в Судебнике Казимира IV 1468 г.)¹⁷; такой прием создает впечатление, как будто и в западнорусском существовала форма *государь*, но это противоречит фактам.

На этом мы заканчиваем далеко не полный обзор ранних фиксаций слова *господарь/осподарь* в восточнославянском. Для нас важны следующие выводы, которые можно сделать на основе приведенного материала: 1. Слово (*г*)*осподарь* ‘хозяин’ в XV в. было еще известным на всей восточнославянской территории. 2. Можно думать, что за сокращением *гдрь* в XV в. кроется еще везде *господарь*; во всяком случае в данный период ничто (кроме произвольной модернизации текстов некоторыми издателями) не свидетельствует о наличии формы *государь* ‘хозяин’. 3. В землях, вошедших к концу XV в. в Московское государство, слово (*г*)*осподарь* как элемент великокняжеского (или любого) титула до XV в. не засвидетельствовано, значит, появление нового значения ‘монарх’ и распространение его в качестве титула происходило в Московской Руси на протяжении XV столетия.

3. Как установлено историками, слово *господарь* как элемент великокняжеского титула проникает в Московскую Русь в XV в. из Литвы¹⁸. Однако недавно была высказана и другая точка зрения, противоположная первой: «Протестуя против применения русским князем [Иваном III] термина “господарь”, Казимир [IV] ввел его (в форме “господар”) в собственный титул в сношениях с русскими землями, в частности Псковом»¹⁹, при этом форма *осподарь* автором рассматривается как южнославянская («В грамотах в Крым Иван III назван “царем” и по южно-славянскому образцу — “осподарем”»)²⁰. Как видно хотя бы по материалам, приведенным

¹⁶ гд̑рю (л. 29), гд̑рьскы" (л. 34 об.), см. фотокопию в издании: S. Roman, A. Vetulani, Ruski przekład polskich statutów ziemskich z rękopisu moskiewskiego. Wrocław-Kraków, 1959, 149, 166; в транскрибированном тексте, впрочем, и в этом издании дается *hosudarju* (82) и *hosudar'skyj* (92). Отметим, что в этом памятнике гдрь встречается и в значении ‘монарх’: коли* вд̑н гд̑рь вси* есть. тогда вдна мантиа маеть выти (л. 34 об., с. 160); в транскрипции издателей и в этом случае *hosudar'* (89). Ср. лат. «Et ex quo vnus princeps est omnium et dominus, statuimus [...], quod vna moneta in toto nostro regno debeat haberi» (L. Łysiak, S. Roman. Polskie statuty ziemskie w redakcji najstarszych druków [syntagmata]. Wrocław—Kraków, 1958, 105); польский перевод (по списку начала XVI в.): «Gdyz wzyemy yeden kxyadz, yedno prawo, yedna moneta yesth» (Tłumaczenia polskie statutów ziemskich [...] Kodeks Świętosławów. Wyd. F. Piekosiński. [= Archiwum Komisji Prawniczej III]. Kraków, 1895, 61). О языке и об источниках западнорусского перевода см. A. Wandas. Język staroruskiego przekładu polskich statutów ziemskich Kazimierza Wielkiego i Władysława Jagiełły. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1966.

¹⁷ См. законодательные акты Великого княжества Литовского. Сборник материалов подготовлен к печати И. И. Яковкиным. Л., 1936, 12—14.

¹⁸ G. Stöckl. Die Begriffe Reich, Herrschaft und Staat bei den orthodoxen Slaven: SAECVLVM, Jahrbuch für Universalgeschichte 5 (München 1954) 104—118; G. Alef. The Political Significance of the Inscriptions on Muscovite Coinage in the Reign of Vasili II: Speculum 34 (1959) 1—19; W. Vodoff. Remarques sur la valeur de terme ‘tsar’ appliqué aux princes russes avant le milieu du XV siècle: Oxford Slavonic Papers II (1978) 1—41. Ср. также нашу заметку по происхождению русского слова *государство*, в которой изложены в зачаточном виде (в качестве предположения) основные положения настоящей статьи: A. Zoltán. Polskie państwo a rosyjskie gosudarstvo: Zeszyty Naukowe Wydziału Humanistycznego Uniwersytetu Gdańskiego, Filologia Rosyjska 10 (1982) 111—115.

¹⁹ А. Л. Хорюшкевич. Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. М., 1980, 88, сн. 65.

²⁰ Там же, сн. 66.

Штекелем и Алефом, история этого титула в Московской Руси начинается не с Ивана III, а в Литве с Казимира IV. Штекль²¹ и Водов²² указывают на Витовта, при котором этот титул закрепился за великими князьями в Литве (Штекль, впрочем, считает *господарь* словом церковно-славянским). Однако имеются данные, позволяющие отодвинуть появление титула *господарь* в западнорусском деловом языке на более раннее время и проливающие свет на его происхождение.

Итак, титул *господарь* в восточнославянском актовом материале встречается впервые в грамотах, вышедших из русской канцелярии польского короля Казимира III (1330—1370), и входит в его титулатуру в связи с тем, что Польша в середине XIV в. (в 1349 г.) присоединила к себе бывшее Галицкое княжество. Присоединение это не означало инкорпорацию Галицкой Руси в Польшу, так как на Галицко-Волынскую Русь претендовала и союзная с Польшей Венгрия. По договору, заключенному в 1350 г. между Казимиром III и венгерским королем Людовиком Анжуйским, польский король мог сохранить за собой «*regnum Russiae*» до своей смерти; после смерти Казимира Венгрия могла бы выкупить эту землю за 100 000 флоринов у наследников Казимира; если же после смерти Казимира не останется наследников, русская земля должна перейти во владение Людовика²³. До 30-х годов XV в. эта территория управлялась старостами как отдельное владение. В титулатуре Казимира III выражение «господарь русской земли» появляется как знак распространения власти короля еще на одно владение:

(8) **А се ѿ король казимиръ. краковьскни. и кувльскни. и господарь. рѹскоѣ землѣ**²⁴,

(9) **Подъ державою великого короля краковьского Казимира и господаря Рѹскоѣ землѣ**²⁵.

Характерно, что от 1349 г. имеется также первая подлинная латинская грамота Казимира III, в которой он титулуется следующим образом:

(10) nos Casimirus dei gratia rex Polonie *dominusque terre Russie*²⁶.

Тот факт, что слово *господарь* как элемент монаршеского титула исторически впервые засвидетельствовано в русских грамотах польского короля, захватившего Галицкое (и — частично — также Волынское) княжество, может привести к

²¹ G. Stöckl, указ. соч. 115.

²² W. Vodoff, указ. соч. 25.

²³ См. H. Paszkiewicz. Z dziejów rywalizacji polsko-węgierskiej na terenie Rusi Halicko-Włodzimierskiej w XIV w. Lwów, 1924 [= Osobne odbicie z «Kwartalnika Historycznego» г. 38], 6—7.

²⁴ После 1349 г., см. Гр XIV, № 12, с. 27.

²⁵ 1351 г., см. СрезнМат I, 563.

²⁶ Грамота, данная Казимиром III торунским купцам на свободный проезд через Польшу во Владимир Волынский, Сандомир, 5 декабря 1349 г., см. сборник Болеслав-Юрий II. СПб., 1907, 80. А. А. Куник указывает на еще одну грамоту от 2 февраля 1346 г., в которой Казимир назван «*Dei gracia rex Polonie [...] Russieque dominus et heres*», однако датировка и подлинность этой грамоты, опубликованной по списку в издании Akta grodzkie i ziemskie VII, Lwów 1878, 7, вызывает серьезное сомнение, ср. там же, с. 124. О титулатуре Болеслава-Юрия II во всех известных — латинских — грамотах см. H. Paszkiewicz. Ze studiów nad polityką, polską, litewską, i krzyżacką Bolesława Jerzego, ostatniego księcia Rusi Halicko-Włodzimierskiej. Ateneum Wileńskie, 1924, 5: 36.

выводу о том, что общеславянское *господарь* ‘хозяин’ либо приобрело новое значение в русской канцелярии Казимира III, либо же употребление слова в этом, неизвестном до этого, значении продолжает галицко-волынскую традицию. В связи с этим последним предположением надо иметь в виду, что русские грамоты Казимира III в дипломатическом отношении не являются буквальными переводами латинских грамот, они представляют собой своеобразную контаминацию древнерусских и латинских образцов, т. е. можно полагать, что составителем этих грамот был человек (по наблюдениям В. Курашевича, все три известные подлинные русские грамоты Казимира III принадлежат перу одного и того же лица)²⁷, не просто знающий галицкий говор и древнерусскую грамоту, но знающий и традиции галицко-волынского делопроизводства, продолжающий в краковской королевской канцелярии навыки, приобретенные еще в канцелярии последних галицко-волынских князей, испытывая при этом в новой среде, конечно, и влияние латинских образцов и польского разговорного языка. На сохранение некоторых особенностей восточнославянской дипломатики указывает наличие начальной формулы «**А се а**», соответствующей такой же формуле «**Се азъ**» древнерусских грамот, известной начиная со Мстиславовой грамоты 1130 г.²⁸, которая, несомненно, характеризовала и галицко-волынскую канцелярскую практику (ср. грамоты, внесенные в текст галицко-волынской летописи)²⁹.

²⁷ См. KuraszkJęz 5.

²⁸ Вопрос о происхождении начальной формулы древнерусских грамот нельзя считать решенным. Тот факт, что эта формула выступает уже в самых ранних грамотах в форме **Се азъ**..., привел в свое время Н. Н. Дурново к предположению о том, что «для русских княжеских канцелярий» домонгольской эпохи образцом мог быть язык болгарских царских канцелярий и они переняли оттуда формулу начала княжеских грамот “Се азъ” с болгарским личным местоим. 1 sg» (Н. Н. Дурново. Введение в историю русского языка. М., 1969, 94—95; ср. также И. С. Улукханов. О языке Древней Руси. М., 1972, 98). В языковом отношении форма *азъ* несомненно болгарского происхождения, но формула *се азъ* не может быть возведена безоговорочно к болгарскому образцу по той простой причине, что болгарских грамот с такой формулой нет (о дипломатике первого болгарского царства нам ничего неизвестно; в грамотах болгарских царей эпохи второго болгарского царства эта формула не встречается, см. Г. А. Ильинский. Грамоты болгарских царей [Древности, Труды Славянской комиссии императорского Московского Археологического общества V]. М., 1911; этой формулы нет и в сербских грамотах, см. MonSerb). Можно, конечно, предположить, что грамоты с такой начальной формулой были (во время первого болгарского царства, о дипломатике которого мы ничего не знаем), но с равной степенью вероятности можно также полагать, что эта формула возникла уже на Руси — в церковной среде. Имея в виду большую политическую раздробленность Руси в XII в. и одновременно всеобщность все-таки этой формулы в восточнославянских духовных и жалованных грамотах уже в домонгольский период, нам не остается ничего, как предположить, что она распространилась под влиянием именно церковного, а не княжеского делопроизводства. Немногочисленные грамоты XII в. не дают основания для того, чтобы можно было с уверенностью говорить о существовании отдельных княжеских канцелярий; многочисленные церковнославянизмы и грецизмы в Мстиславовой грамоте 1130 г. (см. Iss GRS 115—118) заставляют нас принять, что канцелярские задачи на первых порах у восточных славян (как и в Западной Европе) исполнялись духовными лицами: во всяком случае, имеются известия о том, что княжеские печатники занимали высокие должности в церковной иерархии, например в XIII в. митрополит Кирилл был ранее печатником Даниила Романовича Галицкого, а в XIV в. нареченный митрополит Митяй ранее был печатником Дмитрия Донского; до конца XV в. все известные княжеские печатники принадлежали к духовенству, см. В. А. Водов. Зарождение канцелярии московских великих князей (середина XIV в. — 1425 г.); Исторические записки: 103 (1979) 342—343.

²⁹ ПСРЛ II, М., 1962, 903—904 (под 1287 г.).

Известно, что Галицко-Волынское княжество поддерживало тесные контакты с папской курией и с соседними католическими государствами с латинским делопроизводством (в первую очередь — с Польшей и Венгрией) задолго до присоединения его к Польше, и князь Даниил Романович в середине XIII в. даже короновался на «русского короля»³⁰. Можно полагать, что в XIII в. в Галицко-Волынском княжестве существовала уже латинская канцелярия, хотя из этого столетия известны лишь папские буллы, адресованные галицким и владимирским князьям³¹. Однако с первой четверти XIV в. известны и латинские грамоты галицко-волынских князей³². Последним галицко-волынским князем был, впрочем, сын мазовецкого князя Тройдена, Болеслав (Юрий II, 1323—1340), о котором известно, что он покровительствовал иностранцам в своем государстве³³. Знаменательно, что в некоторых из латинских грамот последних галицко-волынских князей выступает элемент титула «*dominus Russiae*».

(11) *Andreas Dei gratia dux Ladimiriae et dominus Russiae*³⁴,

(12) [Georgius] *ex dono Dei natus dux et dominus Rusiae*³⁵.

Ср. также титул Ягайла в одной из латинских грамот 1383 г., т. е. до коронации его на польского короля:

(13) *magnus rex vel dux litwanorum Russieque dominus et heres*³⁶.

Нам кажется, что титул **господарь Рускоѣ землѣ** русских грамот Казимира III представляет собой не что иное, как кальку латинского *dominus Russiae* (ср. лат. *dominus* 1. 'хозяин', 2. 'господин'), возникшую в результате сосуществования латинской и русской канцелярий, причем русское выражение возникло необязательно в русской канцелярии Казимира III, где оно впервые засвидетельствовано, а, возможно, уже раньше, в первой половине XIV в. — в канцелярии галицко-волынских князей, откуда и перешло в канцелярскую практику при дворе Казимира III. Ввиду отсутствия подлинных русских грамот галицко-волынских князей первой половины XIV в.^{36а} наше предположение о существовании такой тра-

³⁰ Там же, 827 (под 1255 г.), ср. В. Т. Пауто. Очерки по истории галицко-волынской Руси. М., 1950, 258—259; В. П. Шушагин. Древнерусское государство в западно- и восточноевропейских средневековых памятниках: Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, 44. Отметим, что первым «русским королем» в Галицкой Руси был венгерский королевич Коломан (сын короля Андрея II), коронованный в 1217 г. (*Hóman B., Szekfü Gy. Magyar történet I. Budapest, 1935, 437*).

³¹ ВоСм. СрезнПам 116, ср. В. П. Шушагин, указ. соч. 444—445.

³² 1316 г., СрезнПам 173—174; 1320 г., там же, 177; 1325 г., там же, 180; 1334 г., там же, 185.

³³ Ср. В. Włodarski, *Wołyń pod rządami Rurykowiczów i Bolesława Jerzego Trojdenowicza. Równie 1933, 42—44*. [Osobne odbicie z «Rocznika Wołyńskiego», т. III].

³⁴ 1320 г., СрезнПам 177, ср. также сб. Болеслав-Юрий II, 150—151.

³⁵ 1334 г., СрезнПам 185, ср. также сб. Болеслав-Юрий II, 153.

³⁶ См. S. Smolka. *Kiejstut i Jagiełło: Pamiętnik Akademii Umiejętności w Krakowie, Wydział: Filologiczny i Historyczno-Filozoficzny 7 (1889) 98*. Цитированная грамота Ягайла издана целиком: E. Raczyński. *Codex diplomaticeus Lithuaniae. Vratislaviae 1845, 98*.

^{36а} Грамоты галицкого князя Льва Даниловича являются подложными, на что указал еще Н. М. Карамзин (см. Н. М. Карамзин. История Государства Российского IV, СПб., 1843—1843,

диции в Галицко-Волынской Руси до присоединения ее к Польше остается недоказуемой гипотезой; тем не менее остается фактом, что титул **господарь Рускоѣ землѣ** впервые появился в среде, в которой сосуществовали славянские и латинские языковые и дипломатические традиции. На безусловно канцелярское происхождение титула *господарь* указывает и то обстоятельство, что в западно-русском *господарь* никогда не стал эквивалентом *dominus* при обращении к любому представителю знати, а сохранился для обращения к верховному владельцу (королю, великому князю и — реже — удельным князьям); как форма обращения к другим знатым лицам распространился очень рано полонизм *пань*. В украинских грамотах XIV—XV вв., изданных В. Розовым³⁷, слово *пань* встречается несколько десятков раз, а *господинь* всего лишь один раз; слово *пані* засвидетельствовано свыше 20 случаев, а *госпожа* только раз³⁸. Это обстоятельство приводит нас к выводу, что калька *господарь* и заимствование *пань/пані* заполнили реальный пробел в восточнославянской лексической системе, а слова *господинь/госпожа* мы должны рассматривать как элементы церковнославянского языка, т. е. как заимствования из древнеболгарского, не имевшие распространения в разговорном языке восточнославянского населения Юго-Западной Руси XIV—XV вв.³⁹

103—104, примеч. 203); более подробно о них см. *М. Грушевский*. Чи маємо автентичні грамоти кн. Льва?, Критично-історична розвідка: Записки Наукового Товариства ім. Шевченка XLV (1902) 1—22. Несмотря на это, они продолжают издаваться как подлинные, ср. Гр. XIV, №№ 1—2, 4—5, с. 9—20. — Укажем еще на одно место в этом издании, где читается *господарь*. В конце грамоты рязанского князя Олега Ивановича после 1356 г. (Гр XIV, № 15, 33) мы читаем: «аже ми далъ стъ м[и]л[ост]ивъ г[о]сп[ода]рь въ от[ъ]чинѣ свои въ Переяславли». Этот текст, по мнению И. И. Срезневского, написан другим почерком, чем основная часть грамоты (СрезнПам 213); по еще более раннему свидетельству составителей АИ (I, № 2), здесь (от *далъ* до первого *въ*) был пропуск. По всей видимости, слово *господарь* (**гспрь**) попало сюда в результате произвольной интерпретации не поддающегося прочтению отрывка текста. Ср. более подходящую по смыслу интерпретацию цитированного места: «**аже ми дасть [г(о)с(по)дь в(ог)ъ быти] въ ѡ(т)чинѣ...**» (АСЭИ III, № 322, с. 351).

³⁷ Розов УкрГр (75 грамот).

³⁸ См. Я. О. Спринчак. З історії давньоруського слова «господа» та його похідних в українській мові: Українська мова в школі 6 (1956) 5: 67—68. По данным нового словаря староукраинского языка XIV—XV вв., слово *пань* в памятниках староукраинской письменности данного периода засвидетельствовано 10 800 раз (ССУМ. 2, 125) *пані* — 111 раз (там же, 123); *господинь* зафиксировано только 45 раз (ССУМ I, 255), *госпожа* — всего 2 раза (там же, 256). Наряду с формой *госпожа* встречается и болгарская форма *госпожда* (13 раз, все примеры из молдавских документов, см. там же, 256—257), которую в данном случае необязательно считать — вслед за составителями цитированного словаря — церковнославянизмом, поскольку в Молдавии она могла употребляться также под влиянием живого среднеболгарского языка.

³⁹ В свете приведенных выше данных нам представляется слишком оптимистическим утверждение О. Н. Трубачева о том, что можно окончательно «отвергнуть мысль о вторичном распространении слова *gospodъ из слав. в другие слав. языки» (ЭССЯ, 7, 62). Нельзя упускать из виду, что др.-польск. *gospodzin* ‘господь’ (почти исключительно о боге, SStp II, 468—470; единственный пример употребления слова *gospodzin* в светском контексте приводится из латинской хроники ок. 1250 г., где говорится, в частности, о том, что из-за различий между славянскими языками в одних языках *dominus* называется *pan*, а в других — *gospodzin*, но не уточняется, в каких именно языках) также является, по всей вероятности, заимствованием из древнечешского *hospodin* (см. Slawski SE I, 325), которое приобрело значение ‘господь (бог)’ во взаимодействии со старославянским языком. По В. Ф. Марешу, в церковно-славянском языке чешского извода старославянская оппозиция *господь* ‘о боге’ — *господинь* ‘о человеке’ была разрушена, поскольку в

4. Для подтверждения нашей гипотезы о характере титула *господарь* в западно-русском деловом языке мы обратимся к дипломатике совсем другой области славянского мира. Как известно, монаршеский титул *господарь* известен и в сербской дипломатике.

Если рассмотреть сербские данные в хронологическом порядке, то оказывается, что отправной точкой распространения титула *господарь* в сербской дипломатике мы должны признать Дубровник, дипломатика которого в средневековье развивалась опять-таки в латино-славянском симбиозе. Слово *господарь* в сербских грамотах встречается уже с XIII в., например в грамоте Стефана Радослава, данной Дубровнику в 1234 г.:

- (14) видѣ кралевство ми толикоу удъ нихъ почеть и вѣрно послоужение, и сик оучинивъ имь и оутвердихъ, ягоре ако ми богъ да, и боуду господарь, како сьмь былъ, да си ходо сь своими си тръги по всѣи области кралевства ми свободно⁴⁰.

Ср. также в грамоте зетского князя Георгия Бакшича, данной Дубровнику в 1373 г.:

- (15) и кол [...] буду господарь ввонзи земли приморской, кога к школо Дубровника, да ми даю властеле дубровчки доходак⁴¹.

Однако случаи, когда слово *господарь* без всякого сомнения входит в официальную титулатуру князей, относятся к первой половине XV в., ср. 1436 г.:

- (16) прѣде к намь у Дубровникъ много славна и почтена племенита господа Юлена, много почтенюга и славнога господина Гандаля, великога воеводе русага босанскога, и кки много славнога светю почившаго кнеза Лазара, господара срьблемь⁴²,

или 1441 г. (Дубровник):

- (17) прѣмисмо удъ много славнога господина Гюрга, господара срьпскои земли и к томю ниже речено благо⁴³,

а также 1450 г. (Дубровник):

древнечешском в значении 'господин (о человеке)' употреблялось слово *pán*, и поэтому как *господь*, так и *господинъ* стали относиться к богу; временное сосуществование обеих форм закончилось вытеснением формы *господь* формой *господинъ* (см. В. Ф. Мареш. Стих чешско-церковно-славянской песни «Господине, помилуй ны»: To Honor Roman Jakobson. Essays on the Occasion of His Seventieth Birthday. The Hague—Paris 1967, II, 1262). Как видим, все-таки имеются веские аргументы в пользу того, что **ospodъ* и **gospodinъ* стали «общеславянскими» только благодаря средневековой культурной экспансии древнеболгарского.

⁴⁰ MonSerb, 19.

⁴¹ Там же, 184.

⁴² Там же, 386.

⁴³ Там же, 406.

- (18) **Ми господиь Стѣпань, божиьмь милосту херцегъ удь светога Саве, господарь хѣмьски и приморски и велики воевода рѣсага босаньскога, кнезь дриньски и к томѣ**⁴⁴,

ср. также подпись и печать зетского князя Ивана Црноевича 1458 г.:

- (19) **Ивань црньоєвикъ господарь зетски**⁴⁵.

По-видимому, из корреспонденции с Дубровником закрепляется этот титул и за турецкими султанами в их сербских грамотах⁴⁶, ср., например, в грамоте султана Амурата, данной Дубровнику в 1430 г. (Эдирне):

- (20) **Я велики господарь и велики амира сѣлтань Амѣратъ бегъ, синь великого господара и великого амире сѣлтань Мехеметь бега**⁴⁷.

В XV в. *господарь* становится постоянным элементом титулатуры турецких султанов в их сербских грамотах, соответствующим слову *pādišāh* в турецких грамотах⁴⁸, ср., например, в грамоте 1470 г.:

- (21) **гаа Али бегъ, синь кнеза Ивана Влаховика, чинегѣрь и склавъ великого цара и велкого господара амирь сѣлтань Мехемедъ бега**⁴⁹,

или в грамоте 1498 г.:

- (22) **Мило(с)тию б(о)жию азъ велики го(с)пода(р) и силни ц(а)ръ и велики амират сѣ(л)та(н) Багази(т) ха(н) и все(м) зє(м)ла(м) примо(р)ски(м) и рѣ(м)ске(м) [...] и веке ине(м) мнози(м) зє(м)ла(м) господи(н)**⁵⁰.

Позже, с XVI в. слово *господарь* в сербских грамотах становится титулом и других сановников турецкого государства, ср. в грамоте венгерского короля Яноша Заполи 1537 г., адресованной Мехмед-бегу:

⁴⁴ Там же, 441.

⁴⁵ Там же, 534.

⁴⁶ Ср. в связи с этим высказыванием Б. О. Унбегауна: «Почетке ове дипломатские традиције треба вероватно тражити у чињеници да је отоманска влада једноставно преузела функције и праксу српских краљевских уреда, нарочито у њиховим односима са Дубровником» (Б. О. Унбегаун. Четири писма турског султана Селима I на српском језику: Xenia Slavica, Papers Presented to Gojko Ružičić on the Occasion of His Seventy-fifth Birthday, 2 February 1969. Edited by R. L. Lencek and B. O. Unbegaun [Slavistic Printings and Reprintings 279]. The Hague—Paris, 1975, 221).

⁴⁷ MonSerb 362.

⁴⁸ См. V. Boškov. Pitanje autentičnosti fojničke ahd-name Mehmeda II iz 1463. godine: Godišnjak Društva istoričara Bosne i Hercegovine 28—30 (1977—1979) 95, где приводятся параллельные тексты султанских грамот на сербском и турецком языках. Подробнее о соотношении сербской и турецкой дипломатики см. V. Boškov. Odnos srpske i turske diplomatike: Jugoslovenski Istorijski Casopis 1980, 3—4; 219—236, и цитированную там литературу.

⁴⁹ MonSerb 511.

⁵⁰ А. Р. Годинка. Отворений листъ султана Баязита II, о мирѣ его съ Владиславомъ королемъ угорьскимъ и чешьскимъ р. 1498: Šišićev zbornik. Zagreb, 1929, 636.

- (23) **Славному и оузможному гвсподару сръвськїе землк, саанчаку смедеревьскому, белградскому [...], инемь више крашнимь градовымь гвсподару Мехмед бегу Яхїяпашкию**⁵¹.

Со временем слово *господар(ь)* становится обычной формой обращения в среде турецкой знати в Сербии и как таковое сохраняется некоторое время также после освобождения Сербии среди сербской знати, пока в начале XIX в. Милош Обренович не запрещает его употребления по отношению к другим лицам, сохраняя право именоваться *господарем* только за самим собой (другие представители привилегированного класса могли титуловаться только словом *господин*)⁵², в чем, на наш взгляд, можно видеть влияние русского соотношения *государь* — *господин*.

У нас нет данных, которые позволили бы с достаточной долей вероятности предположить сколько-нибудь тесные контакты между (галицкой или краковской) русской и далматинской сербской канцеляриями в XIV в. (хотя возможность контактов в это — и даже в более раннее — время не исключается)⁵³, поэтому появление титула *господарь* почти одновременно в этих отдаленных друг от друга славянских областях мы должны признать результатом параллельной семантической инновации, для которой все-таки имелись сходные условия как в исходном языковом материале (наличие праславянского слова **gospodarь* ‘хозяин’), так и в характере самых актуальных языковых контактов (сосуществование в обоих центрах славянской канцелярии с латинской).

5. Рассмотрим еще судьбы титула *господарь* в двух румынских княжествах — в Валахии и Молдавии, поскольку в русском языке *господарь* в качестве историзма сохраняется как раз как титул бывших валашских и молдавских воевод⁵⁴. Валаш-

⁵¹ MonSerb 553.

⁵² Ср. Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Na svijet izdaje Jugoslavenska Akademija Znanosti i Umjetnosti, III. Zagreb 1887—1891, 304.

⁵³ Так, напр., в папской грамоте 1218 г. упоминается вклад галицких князей Василька и Ивана-Владимира в православный монастырь на реке Саве, см. В. П. Шушарин, указ. соч. 444—446; Gy. Györffy. Das Güterverzeichnis des griechischen Klosters zu Szávaszentdemeter (Sremska Mitrovica) aus dem 12. Jahrhundert: StSl 5 (1959) 54—58; этот монастырь просуществовал под юрисдикцией константинопольского патриарха до 1334 г. (там же, 73—74); черниговский князь Ростислав Михайлович, женатый на дочери венгерского короля Белья IV, безуспешно претендовавший (при поддержке своего тестя) на галицкий престол, после 1246 г. получил от короля банат Мачвы (земли между реками Дунаем, Савой и Дравой; В. Т. Паушто, указ. соч. 238); в дальнейшем он успешно вмешивался в дела соседних южнославянских государств, распространяя свою власть на Боснию, Хум и даже на часть Болгарии (В. Нотан, Gy. Szekfi, указ. соч. I, 565—566). На сербско-галицкие связи может указать и факт, что в том же 1349 г., когда Казимир III покорил Галицкое княжество, сербский король Стефан Душан в отдельной грамоте объявляет о том, что он перенимает покровительство над русским монастырем на Афоне (см. П. Грицак. Галицко-Волинська держава [Наукове Товариство ім. Шевченка. Бібліотека українознавства 5]. Нью-Йорк, 1958, 152).

⁵⁴ Так уже в XVIII в., ср. в «Лексиконе российском историческом, географическом, политическом и гражданском» В. Н. Татищева, составленном в 1730—40-е годы: «Государь, никому кроме монарха не дается, словенское господь, но оно по обыкновению ныне дается токмо богу, а прежде было всем общее, ибо в славенском языке, кроме онаго, нет. государь мой всякому высокому и равному, господин посредственному и нижним дается предпочтение, но пишутся сокращенно или под титулом за преимущество вместо господь гдѣ, за государь гдрѣ, за господин гдн; иногда называли государя господарь, но оно ныне токмо волоскому и мултанскому воево-

ские и молдавские грамоты сохранились со второй половины XIV в. В языковом отношении грамоты этих двух княжеств резко расходятся: валашские грамоты написаны в основном на среднеболгарском языке, а молдавские — на староукраинском⁵⁵. Слово *господарь* не входит в официальную титулатуру валашских воевод, хотя оно изредка встречается в тексте грамот, в том числе и самых ранних. Так, например, в жалованной грамоте воеводы Владислава монастырю в Водице 1347 г. титул воеводы звучит:

- (24) Понеже азъ, иже въ Христа Бога благовѣрныи воевода Владиславъ милостѣж Божіеж господинь въсеи вѣжровлахѣи.

ср. также подпись:

- (25) Іѡ Владиславъ воевода, милостѣж Божіеж господинь.

В грамоте слово *господарь* встречается в следующем контексте:

- (26) Паки оустави господство ми, по свѣтѣтѣ, яко по смрѣти кѣр Никодимовѣ, да нѣст ныи господарѣ волень да постави на мѣстѣ томъ старѣшинѣ⁵⁶.

Среди грамот, датированных XIV в., слово *господарь* встречается еще в грамоте воеводы Мирчи Старого жупану Влькулу 1389—1400 гг.:

- (27) Хто ли се покѣсит разврѣтити сие повелѣніе господства ми и записаніе или господар нѣкои или волѣрин, да ест проклетъ ѡт ѡтца и сына и свѣтаго дѣха и ѡтъ вѣсѣхъ свѣтихъ;

в титуле воеводы и здесь, как и во всех валашских грамотах: *господинь*⁵⁷.

В валашских грамотах слово *господарь* встречается чрезмерно редко и в XV в., ср., например, в грамоте Влада Дракула от 2 августа 1439 г.:

- (28) Кѣто ли дрѣзнет, макар и само господство ми или ѡтъ сыновѣ господства ми или бѣди кон господарѣ иже хощетъ настати по моемъ трагѣ и поищетъ разорити сѣе потвѣрженіе и повелѣніе господства ми [...] ⁵⁸;

дам дается» (В. Н. Татищев. Избранные произведения. Под общей ред. С. Н. Волка. Л., 1979, 244). По устному сообщению Б. А. Успенского, титул *господарь* стал повторно известным в России в связи с переездом сюда в 1711 г. молдавского господаря Дмитрия Кантемира.

⁵⁵ Ср. А. И. Яцимирский. Язык славянских грамот молдавского происхождения. СПб., 1909 (Отдельный оттиск из «Сборника по славяноведению» III), 1; I. Bogdan. Über die Sprache der ältesten moldauischen Urkunden: Zbornik u slavu Vatroslava Jagića (Jagić-Festschrift). Berlin, 1908, 371; С. Б. Бернштейн. Разыскания в области болгарской исторической диалектологии I, Язык валашских грамот XIV—XV веков. М.—Л., 1948, 363—366.

⁵⁶ DIR — В I, № 6, с. 17.

⁵⁷ Там же, № 11, с. 30. Отметим, что неправильно читается *господар[ь]* издателем в грамоте ок. 1390 г. того же Мирчи (названного почему-то воеводой молдавским), данной львовским купцом, в издании Гр XIV, № 52, с. 106. По помещенной рядом (с. 105) фотокопии видно, что в монограмме Мирчи должно читаться *господинь* (ср. Е. Ф. Карский. Славянская кирилловская палеография. М., 1979, 240).

имеются лишь единичные случаи его употребления на несколько сотен сохранившихся грамот, и то не в титулатуре воевод. Это обстоятельство и заставило Д. П. Богдана считать *господарь* в валашских грамотах XIV—XV вв. сербизмом⁵⁹.

Как элемент титула *господарь* появляется в грамоте воеводы Александра 1432 г., адресованной темешварскому (совр. рум. Timișoara) жупану («ишпану»):

(29) **Одъ воеводе влашкога. господара, Миръчина сина, одъ Алъде воеводе [...]**⁶⁰.

Однако эта грамота написана по-сербски, ср. характеристику ее языка, данную С. Б. Бернштейном: «Грамота Александра написана на сербском языке с незначительными местными особенностями. [...] Таких грамот, как приведенная нами грамота Александра, в Брашковском архиве больше нет. В языковом отношении эта грамота, изданная Богданом под № XXX⁶¹, не имеет аналогий. [...] Отличается она от других грамот Александра и важнейшими стилистическими особенностями (напр., своей вступительной частью)»⁶².

Итак, слово *господарь* никогда не закрепилось в титулатуре валашских воевод, следовательно, оно не могло послужить образцом для титулатуры молдавских воевод. В самых ранних молдавских грамотах XIV в. в титулатуре воевод встречается, впрочем, и здесь *господинь*, как и в валашских грамотах; титул *господарь* появляется только в самом конце XIV в., и окончательно он закрепляется лишь в XV в. при Стефане Великом⁶³. Появление титула *господарь* в языке молдавской канцелярии румынскими историками приписывается влиянию литовской великокняжеской канцелярии⁶⁴. На самом деле, имеются грамоты Ягайла, данные молдавским воеводам, в которых польский король и великий князь литовский титулуется *господарем*, а молдавский воевода не употребляет еще этого титула по отношению к себе, ср., например, в грамоте Ягайла молдавскому воеводе Петру от 27 января 1388 г.:

(30) **Влодисла(в). ежею. мл(с)то кроль польски литовьскиѣ. Рѣскиѣ дѣдичь и инѣх(х) многы(х) зѣмлѣ господарь. чинимо то свѣдо(м)ю оуѣмо которыѣ**

⁵⁸ DIR — В I, № 89, с. 155.

⁵⁹ D. P. Bogdan. In chestiunea autenticității inscripției funerare a voevodului muntean Nicolae Alexandru Basarab: Revista Istorică Română 3 (1933) 270—271; *его же*, (рец. на ст.): I. Minca. Gospodin și gospodar: Cercetări Istorice 8—9 (1932—1933) 214—215; *его же*, (рец. на кн.): D. Ionescu. Contribution à la recherche des influences byzantines dans la diplomatie roumaine, Valenii-de-Munte 1934: Revista istorică Română 4 (1934) 336—337. Редкие случаи фиксации слова *господарь* в валашских грамотах XIV—XV вв. цитируются нами по указаниям, имеющимся в названных работах Д. П. Богдана.

⁶⁰ С. Б. Бернштейн. Указ. соч. 129.

⁶¹ Имеется в виду издание И. Богдана: Documente privitoare la relațiile țării Românești cu Brașovul și cu țara Ungurească în sec. XV și XVI. Texte slave cu traduceri, adnotațiuni istorice și introducere [...] de I. Bogdan. I, București, 1905.

⁶² С. Б. Бернштейн. Указ. соч. 131—132.

⁶³ V. și E. Virtosu. Titulatura domnilor și asocierea la domnie în Tara Românească și Moldova până în sec. al XV-lea. București, 1960, 190—193.

⁶⁴ Там же, 194, ср. указанную выше рецензию Д. П. Богдана: Revista Istorică Română 4 (1934) 336—337. Ср. также М. MITU. Termeni de origine polonă în documentele slavo-moldovenești I. 1388—1517; Romanoslavica 8 (1963) 182.

на то(т) листо посмотрито. оже пано петр воево(д) молдавѣ зать и прилѣль нашъ. пожичило на(м) д̄ тисачи рѹелитѣ фряжского серебра⁶⁵;

ср. также в ответном документе воеводы Петра от 10 февраля 1388 г.:

(31) Владиславу, Божею милостию королю Польскому, Литовскому дѣдичю и Рѹскому, и инѣхъ многихъ земель господарю, усесердечное поклоняние отъ Петра воеводы Молдавского⁶⁶.

В грамоте 1395 г. уже и молдавский воевода титулуется *господарем*:

(32) Кгды коли кроль господарь его и нашъ Владиславъ [...] пошлетъ по оногo господаря Стефана⁶⁷.

Таким образом, титул *господарь* в языке молдавских грамот мы должны признать западнорусизмом, между тем как в языке валашских грамот то же самое слово представляет собой сербизм⁶⁸.

6. Возвращаясь к истории титула *господарь* в западнорусском ареале, мы хотели бы обратить внимание на тесную связь этого титула с дальнейшими судьбами Галицкой Руси. После смерти Казимира III (1370 г.) Людовик Анжуйский (венг. король: 1342—1382, польск. король: 1370—1382) передал Галицкую Русь опольскому князю Владиславу в качестве венгерского лена (1372—1378 гг.)⁶⁹. В этот период титул *господарь Рускоѣ земли* засвидетельствован в грамоте Владислава Опольского 1378 г.:

(33) Бѣжкою ма(с)тью. Мы князь володиславъ. Опольскоѣ земли. и велунскоѣ земли. и рѹскоѣ земли. господарь. и дѣдичь вѣчнын землямъ тѣмъ. самодержецъ⁷⁰.

Ср. его титулатуру в латинских грамотах и на печатях:

(34) Dei gratia dux opoliensis, velunensis terreque Russie dominus et heres⁷¹.

⁶⁵ Гр XIV, № 41, с. 79; АЗР № 8/1, с. 22.

⁶⁶ Гр XIV, № 42, с. 81; АЗР № 8/2, с. 22.

⁶⁷ Гр XIV, № 65, с. 125—126; АЗР I, № 11, с. 26; СрезнМат I, 563.

⁶⁸ Из более позднего времени (1566 г.) известна одна сербская грамота молдавского воеводы Александра, данная Дубровнику, в которой упоминается «херцег Стефан, кои е биу у вриеме минуто господар земле Херцеговине а ваш бегъ, града Дубровника суседь и приятель». Грамота заканчивается так: «Александр воевода повеле господарь земли молдавской, писа Драгомир сръбинь у месту Сучаве» (MonSerb 556—557). Эта поздняя грамота интересна прежде всего тем, что здесь пересекаются две линии распространения титула *господарь* в славянских языках: титул сербского происхождения и титул западнорусского происхождения засвидетельствованы в одном и том же тексте.

⁶⁹ История Польши I. Под ред. В. Д. Королюка, И. С. Миллера, П. Н. Третьякова, М., 1954, 121; В. Нотан, Gy. Szekfű, указ. соч. II, 231—233.

⁷⁰ Гр XIV, № 28, с. 59.

⁷¹ См. М. Грушевский, История Украины-Руси IV. Львів 1903, 93 и 412—413, сн. 1—3; J. Dąbrowski. Ostatnie lata Ludwika Wielkiego 1370—1382. Kraków, 1918, 290—291.

В этот же период слово *господарь* засвидетельствовано и в титулатуре подольского князя Александра Кориатовича, ср. в жалованной грамоте смотряцкому доминиканскому монастырю от 17 марта 1375 г.:

- (35) **Лы. кна(з) литовскии. кна(з) олезанъдро. корьатовичь. бѣю мѣтью. кназь. и гдръ подольскон. земли**⁷².

(Подолье, зависевшее ранее от Галицко-Волынского княжества, в это время — примерно с 1363 г. — было владением литовского рода Кориатовичей, вассалов Польши)⁷³. В составлении данной грамоты, по всей вероятности, приняли участие и ее адресаты, так как грамота написана по образцу латинских грамот и полонизмы встречаются в ней даже в церковной терминологии, например, **къ матцѣ бѣи** (ср. польск. *Matka Boska* 'Богоматерь').

После смерти Людовика и ликвидации венгерско-польской персональной унии Галицкая Русь была воссоединена с Польшей (1386 г.). Титул *господарь* унаследовал Ягайло, когда, женившись на дочери Людовика Ядвиге, в 1386 г. он стал королем Польши и великим князем литовским одновременно. Надо полагать, что закрепление этого титула за литовскими великими князьями совершилось как раз в те годы (1386—1392), когда Ягайло и практически управлял обоими государствами. Ср. уже в 1386 г. в договорной грамоте со смоленским князем Юрием Святославичем (грамота написана в Вильне):

- (36) **Лы юри свѣтъславич. кнѣзь великии смоленскии даемъ ведома. кто коли сю грамоту видить а любо слышитъ. с володиславомъ бѣю мѣстью. с королем полскимъ литовскимъ и рѣскимъ иныхъ земель восподаремъ. так есмь оу докончаньи. оу правдѣ**⁷⁴,

или в грамоте 1387 г.:

- (37) **Владисла(в) в(ож)ьє м(и)л(о)сти король полскии. литовски, рѣски, иныхъ земель гѣдрь**⁷⁵,

ср. также титулатуру Ягайла в грамотах 1388 г. (30, 31). Эта титулатура точно соответствует формуле латинских грамот Ягайла, ср., например, в одной из грамот 1415 г.:

- (38) **Nos Vladislaus, Rex Poloniae ac Lithvaniae, Russiae et aliarum plurimarum terrarum Dominus**⁷⁶.

⁷² Гр XIV, № 24, с. 50; АЗР I, № 4, с. 21.

⁷³ См. *М. Грушевский*, указ. соч. IV, 70—82; *A. Prochaska*. Podole iennem Korony 1352—1430: Rozprawę Wydziału historyczno-filozoficznego Akademii Umiejętności w Krakowie 32 (1895) 256—279.

⁷⁴ Смоленские грамоты XIII—XIV вв. Подготовили к печати Т. А. Сумникова и В. В. Лопатин. Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1963, 72.

⁷⁵ Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в. Сост. А. Л. Хорошкевич. Вып. I. М., 1977, № 10, с. 50. В цитированном издании: г(о)с(у)д(а)рь, однако для такого прочтения нет никаких оснований, ср. выше 2.

⁷⁶ HRM Suppl. № CLXV, р. 454. О титулатуре литовских князей в латинских, немецких и русских документах до середины XV в. см. *J. Adamus*. O tytule panującego i państwa litewskiego parę spostrzeżeń: Kwartalnik Historyczny 44 (1930) 313—332.

Таким образом, употребление слова *господарь* в соответствии с лат. *dominus* в титулатуре литовских великих князей является одним из элементов галицкого происхождения, перешедших в деловой язык Великого княжества Литовского в результате соединения литовской канцелярии с польской при Ягайле. Такой путь распространения титула *господарь* точно совпадает с общим ходом развития западнорусского делового языка, у истоков которого мы находим как раз южноукраинский (галицкий) говор, а не, как ожидалось бы, один из белорусских говоров; черты белорусского языка берут верх в великокняжеских грамотах лишь к концу XV в. До приглашения Ягайла на польский престол литовская великокняжеская канцелярия, если она вообще существовала, находилась в зачаточной стадии развития, не имела еще устоявшихся собственных традиций, поэтому естественно, что при ее создании (или, по крайней мере, урегулировании) воспользовались опытом имеющей к этому времени уже некоторую традицию русской канцелярии при королевском дворе, в которой по известным историческим причинам преобладало южноукраинское влияние⁷⁷. Преемственность между русской канцелярией Казимира III и Владислава Ягайла имела и то следствие, что формуляр литовских великокняжеских грамот калькирует латинские грамоты польской королевской канцелярии и не продолжает (а наоборот, постепенно вытесняет и в местном делопроизводстве) традиционный древнерусский формуляр⁷⁸.

7. В 1392 г. Ягайло передал власть в Литве Витовту, хотя он сохранял за собой титул великого князя и его титулатура в русских грамотах не меняется⁷⁹, ср., напр., в грамоте 1393 г. (Переяславль):

(39) оу великого короля. оу володислава. бѣжки милости. полского. литовского и русского. а иныхъ мниги^х [sic!] земль гспдра⁸⁰,

или в грамоте 1408 г. (Сандомир):

⁷⁷ Ср. *M. Rudzińska*. Charakterystyka języka urzędowego Wielkiego Księstwa Litewskiego: II Międzynarodowy zjazd slawistów (filologów słowiańskich), Księga referatów. Sekcja I—Językoznawstwo. Warszawa, 1934, 100—104; *KuraszkFil* 335—364; *KuraszkJęz* 5—8; *Chr. S. Stang*. Die westrussische Kanzleisprache des Großfürstentums Litauen. Oslo, 1935, 6—7. Ср. также рецензию В. Курашкевича на указанную книгу Х. С. Станта: *Rocznik Slawistyczny* 13 (1937) 39—59, где говорится: «tradycję języka kancelaryjnego białoruskiego zaczynają halićcy pisarze Kazimierza Wielkiego i Władysława Jagiełły» (с. 57). О литовской канцелярии до кривской унии см. *M. Kosman*. Kancelaria wielkiego księcia Witolda: *Studia Źródłoznawcze* 14 (1969) 98.

⁷⁸ На преемственность в области дипломатики между русской канцелярией Казимира III и литовской великокняжеской канцелярией указал уже А. И. Соболевский в работе 1889 г., которая, однако, осталась в рукописи до последнего времени: «Непродолжительное управление Ягелла вместе и Литвою, и Польшею и соединение при нем канцелярии литовско-русской с польско-латинскою имело своим результатом введение в западнорусские документы тех формул, которые уже употреблялись в польской канцелярии для русской Галиции. Витовт наследовал эти формулы, и мы их видим почти постоянно в его грамотах [...]» (*А. И. Соболевский*. История русского литературного языка. Издание подготовил А. А. Алексеев. Л., 1980, 71). Ср. также *Chr. S. Stang*, указ. соч. 132—141; *ego же*. Die altrussische Urkundensprache der Stadt Polozk. Oslo, 1939, 101.

⁷⁹ Несколько иначе в латинских документах, в которых со временем упрочняется титул *supremus princeps* для Ягайла, а *magnus dux* для Витовта (по отношению к Литве), см. *J. Adamus*, указ. соч., 328—329.

⁸⁰ См. *KuraszkFil* 361.

- (40) Мы Владиславъ, съ Божей милости король польскій, литовскій, рүскій и иныхъ многихъ земель господарь⁸¹.

Кроме официальной титулатуры сочетание *господарь король* появляется и в нарративной части грамот как этикетная форма обращения к королю или упоминания его в соответствии с лат. *dominus rex* и польск. *pan król*, ср., например, в грамоте луцкого епископа Ивана 1398 г.:

- (41) а се азъ вадка иванъ из лүцка знаемо чиню всѣмъ аже да^а ми гдѣрь мои великыи король митрополью галицкюю хочет ми помочи на поставленьи митрополитомъ а кѣли бѣ дасть стану митрополитомъ а за то слюбоую и хвню дати оже бѣ дасть моему милому гдѣрю королю двѣ стѣ гривен рүскихъ а тридцать кѣни безъ хитрости⁸²,

в грамоте 1404 г. (Львов):

- (42) како коль та речь межи нашимъ господаремъ кролемъ Владиславомъ Польскимъ съ одной стороны, межи панею Ядвигою Отиною Пилецкою съ другою стороны [...] на многихъ роцѣхъ предъ нами водилась⁸³,

или в грамоте 1419 г.:

- (43) аже король господарь нашъ казалъ намъ розѣхати границу⁸⁴.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что сочетание *господарь король* (вне официальной полной титулатуры) в западнорусском деловом — и, по-видимому, также разговорном — языке было распространенной формой обращения к королю уже в конце XIV в. В этом отношении необходимо уточнить данные Г. Штекля, который появление этой формы обращения в западнорусском датирует серединой XV в. и видит в этом сочетании результат персональной унии Польши с Литвой⁸⁵.

Кроме элемента титула и формы обращения в западнорусских документах конца XV — начала XVI в. слово *господарь* выступает и в значении 'монарх, верховный владетель'. Это отчетливо явствует из серии присяжных грамот подвластных Литве удельных князей 1400—1401 гг.:

- (44) по смерти. на^шго. го^дра. великого. кня^з витовта. не искати ми. иныхъ. господаревъ. мимо наше^г. милого. господаря. кроля. владислава. пол^кого⁸⁶,

⁸¹ АЮЗ I, № 10, с. 6.

⁸² Цитата дается по фотокопии (ГрXIV, с. 136; см. также Е. Ф. Карский, указ. соч. 423). В издании М. М. Пешак и здесь читается Г[о]с[у]д[а]рь, г[о]с[у]д[а]рю (ГрXIV, № 73, с. 135).

⁸³ АЮЗ I, № 9, с. 5.

⁸⁴ В. Розов, указ. изд., № 49, с. 90.

⁸⁵ Ср. G. Stöckl, указ. соч. 115.

⁸⁶ ГрXIV, № 81, с. 146, ср. также фотокопию № 2 на с. 145.

- (45) то҃ б҃гѣ не дан. што бы сѧ стало над мѡи мѣ гд҃ремѣ кнзѣ^а велики^м витовто^м перво ниж над королемѣ. тогда по см҃рти. гд҃рѧ своего. нѣ имѣю иного гд҃рѧ искати ниж. коро^а полского володисла^в а⁸⁷.

О том, что в западнорусском языке первой трети XV в. слово *господарь* могло применяться по отношению к любому монарху (не только к литовскому великому князю), свидетельствуют и летописные источники, в частности «Похвала Витовту». Этот панегирик, составленный или еще при жизни Витовта⁸⁸, или вскоре после его смерти (1430 г.)⁸⁹, интересен между прочим тем, что в нем дается обзор титулов современных Витовту европейских монархов:

- (46) Таинѣ царевѣ таинти добро есть, а дела великаго господаря поведати добро жь есть. Хочю вамѣ поведати о великомѣ князи Олександрѣ Витовтѣ литовскомѣ и рѣськомѣ, иных многих земли господари. [...] Сии князь велики Витовт, вѣше же емѣ дрѣжаще великое княжение Литовское и Рѣское, иных многыи земли, спроста рекѣ вся Рѣская земля. Не токмо же рѣская, но еще господарь Угорьской земли, зовемыи цесарь римский и великои любви живяше с нимѣ. [...] Славномѣ господарю, благоверномѣ же и христоролювомѣ царю цариградскомѣ, и томѣ с нимѣ и великои любви живущѣ. [...] еще же господарь земли Молдовьской и Басаравь, по волоскомѣ языкѣ воеводы, такожь и господарь земли Болгарьской, по болгарьскомѣ языкѣ деспоты [...] и, спроста рекѣ, иж не обретеся во всемѣ Поморни ни град, ни место, иж бы не прислухали славнаго того господаря Витовта. Тыи жь велиции господари, цари, велиции князи и велиции земли. [...] И коемѣ господарю некакѣю нѣжно не мощнѣ быти, и он вси свои рати и силы посылаше на помощь [...] ⁹⁰.

В немногочисленных сохранившихся подлинных русских грамотах самого Витовта обычен титул в сокращенной форме:

- (47) Мл(с)тѣю бжѣю мы кнзѣ велики витовтѣ чинимѣ знаменито [...] ⁹¹,

- (48) Мы великии кнзѣ витовтѣ. дали есмо сюю нашу грамотѣ [...] ⁹²,

однако Витовт очень часто упоминается в источниках с титулом *господарь*:

- (49) князь великий Витовтѣ литовьский, наш усп(о)д(а)рь ⁹³,

⁸⁷ ГрXIV, № 7, с. 34; ср. также № 6, с. 33. Грамоты изданы также в АЗР (I, №№ 17—20, с. 28—30).

⁸⁸ Ср. J. Ochmański. Historia Litwy. Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk—Łódź, ²1982, 89, 96.

⁸⁹ По более аргументированному мнению С. Смолки, панегирик был написан ок. 1439 г. в окружении смоленского епископа, а затем митрополита Герасима, см. S. Smolka. Najdawniejsze pomniki dziejopisarstwa rusko-litewskiego, Rozbiór krytyczny: Pamiętnik Akademii Umiejętności w Krakowie. Wydział: Filologiczny i Historyczno-Filozoficzny 8 (1890) 18—19.

⁹⁰ Цитируется по Слуцкой летописи (список ок. 1524 г.): ПСРЛ 35, 75—76. Ср. также в других западнорусских летописях — там же, 58—59, 108—109.

⁹¹ ГрXIV, № 8, с. 35.

⁹² ГрXIV, № 9, с. 36. Ср. также другие грамоты Витовта: ГрXIV, №№ 56—57, с. 110—112, № 67, с. 128, № 78, с. 141.

⁹³ Полоцкие грамоты, указ. изд., вып. I, № 38, с. 108.

- (50) **Витовтъ, великій князь Литовскій, Рүскій, Жомонтскій. Билъ намъ господарү чоломъ слуга нашъ Самборъ**⁹⁴.

Хотя, как нами было показано, история титула *господарь* в западнорусском начинается не с Витовта, мы должны согласиться с выводом Г. Штекля и В. Водова о том, что длительное «господствование» Витовта в Литве (1392—1430 гг.) могло способствовать распространению его титула и в подвластных ему областях, и в смежных с ними восточнославянских землях⁹⁵. Это тем более понятно, что при Витовте Литва стала великой державой и Витовт вмешивался и в дела общерусские, как, напр., в дела русской церкви, а также в дела отдельных русских княжеств, остающихся вне его сюзеренитета. Еще в 1390 г. Витовт выдал замуж свою дочь Софию (1371—1453) за великого князя московского Василия I Дмитриевича, он поддерживал тесные контакты с Новгородом и Псковом, с тверским и рязанским княжествами. Неслучайно поэтому, что проникновение титула *господарь* в великорусские документы относится ко времени правления Витовта в Литве.

8. В связи с избранием Григория Цамблака киевским митрополитом титул Витовта попадает в соборную грамоту литовских епископов от 15 ноября 1415 г., написанную на церковно-славянском языке:

- (51) **И тако намъ скорбящимъ о церкви и о людехъ Божьихъ, подвиже милостивый Богъ сердце великого князя Александра, зовомаго Витовта, Литовскаго и многихъ Рүсскихъ земель господаря**⁹⁶.

При втором упоминании о Витовте он титулуется (собственно церковно-славянским, по нашему убеждению) словом *господин*:

- (52) **Таже не толика есть Орвьская земля, елика есть Рүсская, яже есть въ области господина великого князя Александра, преже реченаго Витовта**⁹⁷.

Титул *осподарь* выступает и в окружной грамоте самого Витовта, в которой он мотивирует свое решение об отделении киевской митрополии от московской:

- (53) **а иные люди со стороны ркүть: «осподарь не в той вѣрѣ, того для церковь оскүдѣла»**⁹⁸.

Эти документы стали известными, по всей вероятности, всей русской церковной иерархии, в том числе и великорусской, которая сохранила верность митрополиту Фотию. В связи с этим же событием константинопольский патриарх Иосиф II в 1416 г. пишет московскому митрополиту Фотию:

⁹⁴ АЮЗ I, № 12, с. 7 (по списку 1592 г.)

⁹⁵ Ср. G. Stöckl, указ. соч., 115; W. Vodoff, указ. соч., 25.

⁹⁶ АЗР I, № 24, с. 33 (по списку начала XVI в.).

⁹⁷ Там же, с. 34.

⁹⁸ АЗР I, № 25, с. 36 (по списку начала XVI в.).

- (54) И сего ради писалъ царь святыи къ великому князю Витовту, также и мы, о исправленіи вещи сіа, и надѣемся, понеже есть умный осподарь⁹⁹.

В документах сношений Витовта с великорусскими князьями только литовский великий князь титулуется словом (*господарь*, ср., напр., в договорной грамоте Витовта с тверским великим князем Борисом Александровичем 1427 г.:

- (55) Се азъ, князь велики Борисъ Александровичъ тѣрьски, взалъ есмь любовь таковоу с свои^м г(о)^с(поди)н(о)мъ, з дѣдомъ, великимъ кн(а)з(е)мъ Витовтомъ литовским и многихъ Русьскихъ земель господаремъ¹⁰⁰,

или в dokonчании Витовта с великим князем рязанским Иваном Федоровичем ок. 1430 г.:

- (56) Г(о)^с(поди)ну, усподарю моему, велико^м(у) кн^з(ю) Витовтоу, се азъ, кн^з(ь) велики Ива^н Федорови^ч рязанскы, добилъ есмь челом, да^льса есмь ему на слоужбоу, и усподарь мои, кн^з(ь) велики Витовтъ, прин^ла м^н(а) [...] на слоужбу¹⁰¹.

Способ титулования великого князя на Литве мог стать известным великорусским князьям и их свитам также на съезде в Вильне и Троках по случаю (несостоявшейся в конце концов) коронации Витовта в 1430 г., когда, по словам западнорусского летописца, Витовт

- (57) съзваше к собѣ короля польского Владислава, князя великого московского Василия Васильевича и князя великого тѣрьского Бориса Александровича, [...] и от великого князя Ивана рязанского, и от волоцкого воеводы послы приходили, и Одобевскыи князи сами были, и от великого Новгорода, и от Пскова, и от ордынскаго царя послы выша [...]. И тыи короли и велиции князи и послы выша у великого князя Витовта 7 недель на его истравѣ [...]¹⁰².

9. Первые достоверные случаи употребления слова (*господарь* в значении 'верховный правитель' в великорусских документах, не имеющих никакого отношения к Западной Руси, обнаружены нами в договорных грамотах Василия II Васильевича с Дмитрием Шемякой 30-х гг. XV в.¹⁰³, ср. в dokonчании 1434 г.:

⁹⁹ РИБ VI, № 40, с. 360 (по списку XVI в.).

¹⁰⁰ ДДГ № 23, с. 62.

¹⁰¹ ДДГ № 25, с. 67—68; см. также аналогичную грамоту № 26, с. 68—69.

¹⁰² ПСРЛ 35, 34.

¹⁰³ Г. Штекль указывает на духовную Кирилла Белозерского 1427 г. как на хронологически первую фиксацию титула *господарь* на великорусской территории (G. Stöckl, указ. соч. 115 со ссылкой на АИ I, № 32, с. 62). Однако, как сообщается в комментариях к современному изданию этого памятника (АСЭИ II, № 314, с. 277—279), издатели АИ пользовались не подлинником духовной Кирилла, а старым списком с нее: подлинник грамоты неизвестен. Поэтому, на наш взгляд, нельзя признать эту фиксацию абсолютно первой и безоговорочно достоверной. Титул *господарь* мог попасть в этот текст и при переписывании, так как можайские, верейские и бело-

- (58) **А воаро^а и дете^а воарьски^а межи на^с волны^а волл [...]** **А гдѣ^т бѹдетъ ити наши^а ратѣ^а, и гдѣ^т хто живе^т въ вашои очинѣ^т, хто комѹ слѹжитъ^т, тотъ иде^т своимъ осподаре^а¹⁰⁴.**

В подобном контексте выступает это слово также и в грамотах 1436 г.:

- (59) **А гдѣ^т, г(о)^с(поди)не, бѹде^т итьти нашимъ ратѣ^а, и гдѣ^т кто живе^т в наши^х штчина^х, а кто комѹ слѹжитъ^т, то^т съ свои^а осподаре^а и иде^т¹⁰⁵,**

и в грамотах 1441—1442 гг.:

- (60) **А гдѣ^т бѹде^т итьти наши^а ратѣ^а, и гдѣ^т хто живе^т в наши^х штчина^х, и хто комѹ слѹжитъ^т, то^т съ свои^а осподаре^а и бѹде^т¹⁰⁶.**

В подобном значении слово *господарь* отмечается в послании Василия II константинопольскому патриарху Митрофану 1441 г., в котором московский князь просит разрешения на поставление митрополитом рязанского епископа Ионы:

- (61) **И просимъ святѣйшее ти владычество [...]** **за неустроение и мятежи еже въ окрестныхъ насъ странахъ, и господарей ѹмноженіа, свободно намъ сътворите въ нашей земли поставление митрополита¹⁰⁷.**

Поставленный в митрополиты в 1448 г. Иона уже в том же году в окружной грамоте призывает жителей Московской Руси, чтобы они

- (62) **били челомъ своему господарю великому князю о жалованьи [...].** **А не имете бити челомъ своему господарю великому князю, къ конечной своей погибели, а за тѣмъ кровь христіанская прольется¹⁰⁸.**

зерские князья также титуловались *господарями* во второй половине XV в., что подтверждается показаниями грамот, сохранившихся в подлиннике, см. напр., АСЭИ II, № 165 (ок. 1455 г.), с. 100; № 167 (1455—1470 гг.), с. 102; № 185 (1460—1470-е гг.), с. 177 и др. Титул этот употреблялся, по-видимому, и по отношению к тверскому великому князю, ср. у Афанасия Никитина: «Пондох [...] шт гдѣра своего шт великаго княза миханла борисовича тверскаг(о)» (1466—1472 гг., по списку XVI в., см. ОбнБарх I, 228). Титул *господарь* был введен и для Новгорода во второй половине XV в. (ГВНП № 96 [1459—1469 гг.], с. 152; № 101 [1476—1477 гг.], с. 156, ср. G. Stückl, указ. соч. 116; в указанном издании титулы раскрываются без оговорок и читается *государь*, что едва ли оправдано). Все это указывает на то, что (*г*)*осподарь* на первых порах своего существования в великорусских областях мог относиться отнюдь не только к московскому великому князю, и делает понятным, почему и Василий Темный, и Дмитрий Шемяка могли называться *господарями* в цитируемых нами (не учтенных Г. Штеклем) договорных грамотах, ср. (58)—(60).

¹⁰⁴ ДДГ № 34, с. 88.

¹⁰⁵ ДДГ № 35/1а, с. 91—92, ср. также 1б, с. 94, 1б, с. 97, 1б, с. 99.

¹⁰⁶ ДДГ № 38/1а, с. 109, ср. также 1б, с. 111, 1а, с. 114, 1б, с. 116. В более ранних договорных грамотах в статье подобного содержания мы находим другую формулировку: «а кто которому кня^з(ю) слѹжитъ, гдѣ бы ни жи^т, томъ с тѣмъ князе^м и бѹхати, комѹ слѹжитъ» (ДДГ № 14 [не ранее 1390 г.], с. 40).

¹⁰⁷ РИБ VI, № 62, с. 535.

¹⁰⁸ РИБ VI, № 64, с. 542; АИ I № 43, с. 87.

В качестве официального титула сочетание *осподарь земли руской* в Московской Руси засвидетельствовано впервые на монетах Дмитрия Шемяки до 1447 г.¹⁰⁹, т. е. почти на сто лет позже, чем в грамотах Казимира III (ср. 3). На монетах Василия II с конца 40-х гг. XV в. читается *осподарь всея Руси* или *осподарь всея русской земли*¹¹⁰. Василий II называет себя *господарем* в докончании с суздальским князем Иваном Васильевичем 1448—1449 гг.:

- (63) [Бож]ію м(н)л(о)҃тню и [пр]ч(н)҃тыа е҃го в(о)гом(а)т(е)рє, и по вл(а)г(о)҃(ло)в(є)нню w҃҃ца нашего Івны, митрополита всеа Русі, на семъ на все^а, кнѧ^з(ь) Иванъ [Васил]ьєви҃ч, целѣи ко мнѣ кр(є)҃тъ, къ своему господарю, к великому князю Васи^а(ь)ю Васи^а(ь)єви҃(҃) [...].
- (64) Я мене ти, свое҃(о) w҃подарѧ, велико҃(о) кн(ѧ)зѧ [...] держати ч(є)҃тно и грозно¹¹¹.

В документах международных отношений Московской Руси при Василии II титул (*г*)*осподарь* встречается только по отношению к литовскому великому князю, как, например, в послании Василия II греческому царю Константину Палеологу 1451—1452 гг.:

- (65) [...] мы, милостию Божию, съгадавше съ своею матерью съ Великою Княгинею, и съ нашею братьею с Русскими Великими Князи и съ помѣстными князьми, и съ Литовскія земли осподаремъ съ Великимъ Княземъ [...] ¹¹².

Как показывают наши источники, в московской деловой письменности слово (*г*)*осподарь* в политическом смысле отмечается с 30-х годов XV в., а в официальную титулатуру московских великих князей оно начинает входить с конца 40-х годов XV в., правда, вначале только во внутреннем употреблении. Как показывает наш пример (65), при составлении документов внешних сношений в Москве давали себе отчет в том, что (*г*)*осподарь* — это титул литовского великого князя. Поэтому нельзя не согласиться с выводом Г. Штекля о том, что слово это было введено в титул московских великих князей по образцу литовских. Если наши выводы о происхождении титула *господарь* в западнорусском (см. 3) верны, то слово *господарь* 'верховный владетель; титул великого князя' в великорусской деловой письменности XV в. представляет собой один из ранних семантических латинизмов, проникших в формирующийся деловой язык Московской Руси посредством делового языка Западной (Литовской) Руси.

10. В связи с этим необходимо хотя бы вкратце коснуться вопроса о соотношении языка деловой письменности и церковнославянского языка в Польско-Литовском и Московском государствах. В результате крестовской унии 1386 г. Литва приняла католицизм, и тем самым православная церковная иерархия в Литве

¹⁰⁹ G. Alef, указ. соч., 11—12.

¹¹⁰ Там же, 6.

¹¹¹ ДДГ № 52а, с. 155—156, ср. также № 52б, с. 157—159. Ср. G. Stöckl, указ. соч., 115.

¹¹² РИБ VI, № 71, с. 578; АИ I, № 4, с. 84 (с ошибочной датировкой); ср. G. Alef, указ. соч., 8.

не могла оказывать влияние на центральную государственную власть, поэтому и язык церкви быстро перестал воздействовать на язык государственной администрации и постепенно начал вбирать в себя элементы (прежде всего — лексические) последнего. Таким вкраплением из государственного языка следует считать и наличие титула *господарь* в приведенной выше цитате (51) из соборной грамоты православных епископов Литвы 1415 г. То обстоятельство, что в Литве православие не было государственной религией, препятствовало занятию православными высокими государственными должностями, в том числе и более значительных должностей в великокняжеской канцелярии. Высокими сановниками русского отдела канцелярии Витовта были литовские бояре, «русскими» (т. е. украинцами или белорусами) были только писари¹¹³. (Замена названия профессии *дьяк* словом *писарь* в западнорусском — в соответствии с лат. *scriba*, польск. *pisarz* — указывает также на разрыв светского, государственного делопроизводства с церковными, православными традициями.) Если в русских грамотах Казимира III обнаруживаются еще некоторые следы церковного (и тем самым церковнославянского по языку) делопроизводства, унаследованные от прежней галицко-волинской канцелярии (ср. 3), то при Ягайле и Витовте завершается процесс реориентации западнорусской дипломатики на латинские образцы, которые начинают калькироваться со всей очевидностью при посредстве польского разговорного языка, а не при помощи церковнославянского¹¹⁴.

В отличие от Литвы, в Москве центральное государственное (великокняжеское) и церковное (митрополичье) делопроизводство развивалось в тесной взаимосвязи¹¹⁵, что и обеспечило сохранение церковнославянских элементов в формуляре грамот. О влиянии митрополичьей канцелярии на великокняжескую свидетельствует и заимствование московскими великими князьями элемента титула **всем Р҃си** из титулатуры киевских митрополитов¹¹⁶. В связи с этим возникает вопрос: как мог совместиться церковнославянизм **всем Р҃си** с западнорусизмом *осподарь* в составе титула Василия II уже в конце 40-х годов XV в.¹¹⁷, когда (*г*)*осподарь* в этом значении было еще относительно новым заимствованием?

¹¹³ М. Kosman, указ. соч., 111.

¹¹⁴ Предполагается и влияние чешского языка, ср. высказывание А. И. Соболевского: «Западноевропейское происхождение формул западнорусских документов замечательно, но еще замечательнее тот факт, что слова этих формул те самые, которые мы встречаем в чешских документах, как будто Западная Русь воспользовалась чешскими деловыми образцами» (А. И. Соболевский, указ. соч., 72). Чешское влияние на западнорусскую дипломатику пытался доказать Й. Мацурек в ряде работ: *J. Macůrek. Po stopách spisovné češtiny v jihzápadní Ukrajině koncem 14. a v 1. polovině 15. století: Franku Wollmanovi k sedmdesátinám*. Praha, 1958, 42—64; *ego же. K dějinám česko-ukrajinských a českorumunských vztahů 2. pol. 14. a 1. pol. 15. století: Slovanské historické studie III*, Praha, 1960, 127—184; *ego же. K otázce vztahů listiny české, ukrajinské a moldavské v druhé polovině 15. století: Sborník Prací Filosofické Fakulty Brněnské University 9 (1960) Řada historická (C) 7*, 151—159. Однако чешское влияние в большинстве случаев было не прямым, а опосредованным польским языком, ср. А. Л. Гумецька. Чи впливала старочеська мова на мову українських грамот XIV—XV ст.?: *Мовознавство*, 1967, 4: 92—95; S. Kochman. Z historii czesko-polsko-rosyjskich związków leksykalnych: *Zeszyty Naukowe Wyższej Szkoły Pedagogicznej w Opolu, Filologia rusyjska 7 (1971) 69—71*; *ego же. Z zagadnień czesko-polsko-wschodniosłowiańskich związków leksykalnych: Studia Śląskie (seria nowa) 26 (1974) 145—147*; Kochman PRS 13—16.

¹¹⁵ См. В. А. Водов, указ. соч., 342—344.

¹¹⁶ G. Alef, указ. соч., 6.

¹¹⁷ Там же, ср. выше (сн. 110).

В этом отношении заслуживает серьезного внимания наблюдение Г. Штекля, согласно которому в большинстве ранних случаев употребления титула (*г*)*осподарь* как обращения к московским великим князьям его употребляют представители высшего духовенства¹¹⁸. Если не считать духовной Кирилла Белозерского 1427 г.¹¹⁹, а также ранние фиксации 30-х — начала 40-х гг., где слово *господарь* употреблено вне титула (58—61), то на самом деле оказывается, что в распространении этого титула большую роль сыграла митрополичья канцелярия [ср. (62); отметим, что цитаты (63—64) взяты из грамоты, оформленной при участии митрополита Ионы, ср. (63)]. Если — вслед за Г. Штеклем — принять, что инициатива по введению титула *господарь* в Москве принадлежала церковной иерархии, то становится понятным, что слово *господарь* в своем новом значении могло восприниматься здесь как принадлежность церковнославянского языка, т. е. западнорусское по своему происхождению слово в великорусском превратилось в функциональный церковнославянизм.

11. В документах, вышедших из канцелярии митрополита Ионы, слово *господарь* не является изолированным заимствованием из западнорусского даже в области великокняжеской титулатуры. В его грамотах засвидетельствован впервые и элемент титула *отчичь* и *дѣдичь* 'наследник':

- (66) **Благословеніе Іоны Митрополита всея Рүси, во отчинѹ Великого Государя Рүскаго, а нашего господина и о Святѣмъ Дусѣ возлюбленного сына нашего смѣреніа, благороднаго и благовѣрнаго Великого Князя Весилія Васильевича, а вашего, нашихъ дѣтей, отчичя и дѣдичя, по родствѹ, великого его господства дръжавѹ, по изначалствѹ прежнихъ великихъ Господарей Великихъ князей Рүсскихъ, а его праотець, въ Пьсковѹ [...];**
- (67) **А что есте, сынове, присылали къ Великому Господарю, а къ нашему сынѹ, къ своему отчичю и дѣдичю, къ Великому Князю [...]**¹²⁰.

Слово *дѣдичь* (< польск. *dziedzic*) в западнорусских грамотах встречается уже со второй половины XIV в., ср. (30—31), (33), где в составе титула употребляется в соответствии с лат. *heres*. *Отчичь* (ср. польск. *oćzyc*) появляется в западнорусских памятниках несколько позже (в самом начале XV в.), сочетание *отчичь* и *дѣдичь* засвидетельствовано в грамотах с 1433 г.¹²¹ В документах внешних сношений Мос-

¹¹⁸ G. Stöckl, указ. соч., 115.

¹¹⁹ О причинах осторожности по отношению к этой грамоте см. выше, сн. 103.

¹²⁰ АИ I, № 60 (1455—1461 гг., по списку XVI в.), с. 107.

¹²¹ Слово *дѣдичь* встречается в Летописи по Ипатьевскому списку (XV в.) под 1190 г. (т. е. в той части рукописи, которая содержит Киевский летописный свод) при описании галицких событий: «Галичкии же моужи срѣтоша его [Володимира Ярославича] с радостью великою. князя своего и дѣдича. а королевича [Андрея, сына венгерского короля Бельи III] прогнаша. изъ земля своего. а Володимѣрь сѣде. на столѣ дѣда ствоего и штца своего» (ПСРЛ 2, 666—667; ср. Срезн-Мат I, 782—783). Укажем, что в этой летописи под тем же годом встречается и другой полонизм: *статок* (с. 669; ср. СрезнМат III, 509); об этом слове см. нашу заметку: А. Золтан. Об одном западнорусизме в великорусском деловом языке XV—XVII вв. (*статок/статки*): *Russica*, In memoiam E. Valeszky. Budapest, 1983, 31—40. Слово *дѣдичь* рассматривается как полонизм также в старобелорусском, см. Булыка, 89. — Слово *отчичь* засвидетельствовано также в Летописи

ковского государства сочетание *отчичь* и *дѣдичь* в качестве элемента титула московского великого князя закрепляется при Иване III¹²² и употребляется еще и в XVII в.¹²³

Западнорусское влияние на язык канцелярии митрополита Ионы объясняется, по-видимому, активной деятельностью московской церковной дипломатии, направленной на признание Ионы правомерным митрополитом «всех Руси» со стороны Казимира IV (до 1451 г. в западнорусской православной церкви митрополитом продолжали считать Исидора, прогнанного из Москвы в 1441 г. из-за соглашения на унию на Ферраро-Флорентийском соборе). Иона искал сторонников для себя среди православных магнатов в Литве, обращается с посланием к киевскому удельному князю Александру (Олелько) Владимировичу (женатому на дочери Василия Дмитриевича Анастасии). К этой грамоте относится хронологически первая известная нам фиксация деривата *господарство*:

- (68) понеже, сыну, и ты самъ добръ вѣси, еже въ тогдашня времена было господарство отъ того православнаго самодержца всея рѹския земля Владимира на Киевѣ; а поставленіе было на Киевѣ на рѹскію землю митрополитомъ, не токмо, якоже нынѣшняго ради еже въ Цариградѣ церковнаго неустроенія, но токмо еже въ господарствѣхъ рѹскихъ господарей съ цариградскими цари негладости ради¹²⁴.

Отметим, что адресат этой грамоты титуловался следующим образом (в жалованной грамоте митрополиту Исидору 1441 г.):

по Ипатьевскому списку (в части, содержащей Галицко-Волынскую летопись) под 1208 г.: «наидоша Данила во Оугорьскон землѣ. дѣтѣска соуща. и просиша оу короля Оугорьского дан намъ *отчича* Галичу Данила» (ПСРА 2, 724; ср. СрезнМат II, 832). А. И. Генсѣрский рассматривает это слово как заимствование из древнепольского *obczys, ojczys*, см. А. И. Генсѣрский. Галицко-Волынский літопис (Лексичні, фразеологічні та стилістичні особливості). Київ, 1961, 191. Однако ввиду слабой засвидетельствованности др.-польск. *obczys* (ср. SStp V, 547; с 1443 г., все четыре примера из львовских актов, в которых данное слово — в написании *oczyszcz, oczyszczowye* — glossирует лат. *heres*) нельзя исключить и возможности обратного пути заимствования. В таком случае тавтологическое сочетание *отчичь* и *дѣдичь* в западнорусском можно было бы истолковать как сочетание, возникшее первоначально в результате глоссирующей синонимии, т. е. толкования заимствованного из польского слова *дѣдичь* 'наследник' посредством собственно староукраинского синонима *отчичь*. Ранние примеры употребления сочетания *отчичь* и *дѣдичь* см. ССУМ I, 336; 2, 112—113; см. также в рассказе о Подольской земле, включенной в состав западнорусских летописей: «А то си три браты, татарскыя князи, *отчичи* и *дѣдѣчи* Подолскои земли» (ПСРА 35, 66; ср. также 138, 160). В польском переводе XVI в. на соответствующем месте читается: «А сѣi trzey bracia tatarskie, *ojcziczi* bili i *dziedice* ziemie Podolskiey» (там же, 186), из чего явствует, что слово *отчичь* западнорусского оригинала было перенято в польский текст с конечным -ѣ. Возможно впрочем, что и в примерах старопольского словаря (см. выше) следует читать не *obczys*, а *obczysz*. Существование варианта *ojczysz* в старой польской письменности подтверждается также словарем Линде (S. B. Linde. Słownik języka polskiego, III. Warszawa, 3 1951, 525).

¹²² См. F. Koneczny. Geneza uroszczeń Iwana III do Rusi Litewskiej: Ateneum Wileńskie 3 (1925—1926) 211—212.

¹²³ Ср. отчет о протесте русских послов у французских властей в 1667 г., вызванном тем, что в тексте грамоты, приготовленном французской стороной, «самые высокие титулы прописаны: «самодержца, отчича, и дедича, и наследника, и государя и обладателя» у той грамоты на подписи не написано» (Путешествия русских послов XVI—XVII вв. Статейные списки. М.—Л., 1954, 288).

¹²⁴ РИБ VI, № 66 (прежде 31 января 1451 г.), с. 560—561.

(69) **Се казъ, кн(я)зь Александръ Володимирович, гдѣрь ѡтчиць Кіевьскыи**¹²⁵.

В 1451 г. Казимир IV «полюбил себя отцом митрополитом Иону» и подчинил ему западнорусские епархии (за исключением галицкой, которая оставалась номинально под управлением Исидора)¹²⁶. С этим событием связан ряд документов, вышедших из канцелярии Ионы и адресованных государственным и церковным деятелям в Литве. В грамоте к королю западнорусизмов мало, Иона титулуется Казимира, естественно, *великим господарем*, кроме этого отметим лишь форму *княжати (н)рускому* в официальной титулатуре короля¹²⁷ (ср. зап.-русск. *княжа* ‘князь’ под влиянием польск. *książe* ‘князь’)¹²⁸, в посольских речах встречается и *господарь*, и *господарство*:

(70) **великий господарь, великий король [...] хотѣлъ еси въ другомъ своемъ богомоліи и господарствѣ, галичской митрополіи, Божіи церкви и дома церковный [...] къ святѣй Гофьи и кіевьскому столу отдать по старинѣ, и велѣлъ еси намъ себя обослати тѣто, въ томъ въ своемъ господарствѣ: и ты бы, великий господарь, пожаловалъ [...]**¹²⁹.

В посланной одновременно с этим посольством грамоте пану Михайлу Кези-гайловичу наряду с лексическими западнорусизмами встречается и западнорусская синтаксическая конструкция *до + род. п.* вместо *к + дат. п.*:

(71) **А нынѣ, сыну, послали есмо до великого господаря, своего сына, великого короля, и до вась, до великихъ пановъ, и тѣхъ же церковныхъ дѣлѣхъ**¹³⁰.

¹²⁵ По списку начала XVI в., см. Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. Издание подготовил Я. Н. Шапов. М., 1976, 180; в цитированном издании — г(о)с(у)д(а)рь. Начиная с 40-х гг. XV в. — в связи с восстановлением некоторых удельных княжеств в Великом княжестве Литовском — начинают титуловаться «господарями» кроме великого князя также удельные, ср. также в грамоте Свидригайла 1445 г.: **мы князь швитриганло гдѣрь. подолскои зѣми**, см. KuraszkJez, 134—135. В 1449 г. в Смоленске временно захватил власть мстиславский князь Юрий Лингвенович и начал титуловаться «господарем Смоленским» (см. *J. Natanson-Lenski. Dzieje granicy wschodniej Rzeczypospolitej I, Granica moskiewska w epoce jagiellońskiej: Rozprawy Historyczne Towarzystwa Naukowego Warszawskiego I, Lwów—Warszawa, 1922, 3: 4*). Позже, в 60-е годы, титул этот встречается как обращение к князю Ивану Васильевичу Острожскому: **а па(н) добрыша мжюрови(ч) мѣсти(ч) встр(о)зкин [...] есми тое свое имѣнье [...] прода(а) усподарю своему кнзю ивану василеви(ч) встрозко(м)** — Гр XV, № 13 (1464 г.), с. 41. Отметим, что как Александр-Олелко, так и Свидригайло посредничали между Ионой и Казимиром IV, благоприятное для Ионы решение короля в значительной степени обязано их ходатайству (см. *O. Halecki. Ostatnie lata Świdrygiełły i sprawa wołyńska za Kazimierza Jagiellończyka. Kraków, 1915, 92*).

¹²⁶ См. настольную грамоту Казимира IV митрополиту Ионе от 31 января 1451 г.: РИБ VI, № 67, с. 563—566. — О причинах разделения русской церкви на западнорусскую и восточнорусскую митрополии и вообще по истории русской православной церкви в данный период, см., напр. (с разных точек зрения): *Макарий (М. П. Булгаков). История русской церкви VI*. СПб., 1870; *Е. Е. Голубинский. История русской церкви II/2*. М., 1911, 7—11; *М. Грушевський. История України-Руси V/2*. Львів, 1905, 385—422; *J. Pelesz. Geschichte der Union der ruthenischen Kirche mit Rom I. Würzburg—Wien, 1881*; *H. Paszkiewicz. Jagiellonowie a Moskwa I. Warszawa, 1933, 315—325*; *K. Chodynicki. Kościół prawosławny a Rzeczpospolita polska, Zarys historyczny 1370—1632. Warszawa, 1934, 50—63*.

¹²⁷ РИБ VI, № 68/I, с. 566—567; ср. СрезнМат I, 563.

¹²⁸ Ср. *N. Damerau. Russisches und Westrussisches bei Kurbskij. Berlin, 1963, 72*.

¹²⁹ РИБ VI, № 68/III, с. 570.

¹³⁰ РИБ VI, № 68/II, с. 568.

Можно предположить, что эта грамота (сохранившаяся в московском списке начала XVI в.) была написана вообще на западнорусском языке.

Западнорусизмами пестрят и другие грамоты Ионы, связанные с делами православной церкви в Литве. В документах 1451 г. о назначении митрополичьих наместников для Киева и для Литвы Иона обращается к православному населению:

- (72) **Вы же [...] князи и панове, и архимандриты и протопопове, и игумены и мѣстичи [...]. А также сынове, благословляю васъ всѣхъ посполно, чтобы тѣтъ нашъ намѣстникъ въ доходѣхъ и въ пошлинахъ церковныхъ ни от кого не обиженъ былъ**¹³¹.

Документы эти названы, впрочем, *листами*:

- (73) **Данъ листъ сій въ Новѣгородкѣ**¹³².

Западнорусизмы проникают и в грамоты Ионы, адресованные в великорусские области. Так, например, в послании верейскому князю Михаилу Андреевичу, которого, впрочем, Иона тоже титулует «великим господарем», мы читаем:

- (74) **А вѣдомо тобѣ, моему сыну, и се, что князь великий былъ Витовтъ, также и нынѣ король, великіе господареве, вѣдучи и не наша вѣры, также и княжата и панове тое вѣры [...] какую великую честь держать**¹³³.

Здесь сохранение западнорусизмов обусловлено контекстом: верейскому князю ставится в пример отношение неправославных литовских князей и магнатов к православной церкви. Однако есть и случаи, когда западнорусизмы употребляются вне западнорусского контекста, как, например, в послании в Вятку:

- (75) **зався своему господарю, великому князю, грѣшите и приставаете к его недругу**¹³⁴,

- (75а) **наимовати на то на злое и богоненавистное дѣло [...] зброднен, пьяничныхъ и кровопропитныхъ человекъ**^{134а}.

¹³¹ РИБ VI, № 69, с. 572. О слове *мѣстичь* 'мещанин' см. нашу заметку: А. Золтан. О старорусском *мѣстичь*: StSl 23 (1977) 161—163; *посполно* 'совместно', ср.-укр. *посполно* 'то же' (ССУМ 2, 205), др.-польск. *pospólnie* 'то же' (SSr. VI, 444—445). Вопрос о западнорусском происхождении русск. *доход*, насколько нам известно, еще не ставился в научной литературе, однако история и география распространения слова в восточнославянском однозначно указывает на то, что в великорусском оно было заимствовано из западнорусского. К этому вопросу мы вернемся в отдельной статье.

¹³² РИБ VI, № 69, с. 572.

¹³³ РИБ VI, № 70 (ок. 1451 г.), с. 574.

¹³⁴ РИБ VI, № 73 (ок. 1452 г.) с. 591. *Зався, завсе* (81) 'всегда' (ССЯ 5, 160), ср. ст.-укр. *завсе* (ССУМ 1, 372), польск. *zawsze* 'то же'.

^{134а} РИБ VI, № 65 (1448—1458 гг.), с. 549; ср. СрезнМат III, 653 (s. v. *сѣбродень*). И. И. Срезневским толкуется как 'сброд'; ср., однако, ст.-блр. *збродень* 'преступник' < др.-польск. *zbrodzień* 'то же' (Булыка, 118); о др.-польск. *zbrodzień* (совр. польск. *zbrodniarz*, 'преступник') см. А. Brückner.

Знаменательно, что западнорусизмы встречаются и в грамотах митрополита Ионы, адресованных в Казань:

- (76) Ивна, митрополитъ Киевьскыи всеа Роуц(и), достоиннѹ честь великомуѹ ти господарьствѹ симъ наши^м писаниемъ послали есмо, слыша, что же вышна^т(о) в(о)га силою держишь свое господарьство, всимъ кѹпцемъ нашимъ и ины^х земль кѹпцемъ щкоты и убытковъ нѣтъ никоторы^х ни в^т кого [...]. И на то надѣя^с(ь) послали есмо до Казани сего своего слѣгоу Дгафона¹³⁵.
- (77) Послалъ есмо до Казани сего своего слѣгѹ Дгафона [...] в цемъ бѣде^т томъ нашемъ ч(е)л(ове)кѹ надобѣ [...] до волна^т(о) ц(а)ра достѹпнѣ, и ты бы [...] в томъ нашемъ ч(е)л(ове)цѣ печаловалса [...] чтобы то^т нашъ ч(е)л(ове)къ и до на^с приѣха^а доброволно и безъоубыточно¹³⁶.

Все эти примеры указывают на то, что в канцелярии митрополита Ионы были выходцы из Литвы, которые знали западнорусский деловой язык, и им-то и поручалось составление грамот, адресованных в Литву и, может быть, не только в Литву, а вообще за пределы Московского государства. Отдельные западнорусские слова проникают и в грамоты, адресованные в великорусские области, что свидетельствует о влиянии выходцев из Литвы также на внутреннее делопроизводство. Имея в виду тесную связь между митрополичьей и великокняжеской канцеляриями, становится вполне вероятным, что в середине XV в. западнорусский деловой язык мог оказать влияние на великорусский деловой язык также посредством церковного делопроизводства¹³⁷.

12. Если слова западнорусского происхождения, указанные в предыдущей главе, относятся к лексике светской жизни, то в грамотах Ионы после 1458 г. засвидетельствован довольно обширный пласт западнорусизмов, связанных с церковной жизнью. В 1458 г. Казимир IV, как написал позже Иван III, «через свой листъ» поставил киевским митрополитом «Исидорова ученика» Григория. С этим событием связана снова оживленная корреспонденция Ионы с западнорусскими епископами и православными магнатами. В этой корреспонденции, с одной стороны, оживает западнорусская лексика, известная в Москве уже из произведений о Флорентийском соборе, а с другой — появляются новые заимствования из западнорусского.

Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa, ²1970, 648; *S. Reczek*. Podręczny słownik dawnej polszczyzny. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1968, 636.

¹³⁵ АСЭИ III, № 10 (ок. 1455—1456 гг., по списку ок. 1535 г.), с. 26. О слове *щкота*, *щкота*, *щкота* < польск. *szkoda* см. ССУМ 2, 559—560; А. А. Булыка, указ. соч., 364; Тамань, 123; S. C. Gardiner. German Loanwords in Russian 1550—1690. Oxford, 1965, 242; Kochman РКJ 145. — Обращение в форме *великому ти господарьству* соответствует южнославянским формам типа *господство ми*, *кравлество ми*, ср. в цитированных выше сербских и валашских грамотах (14), (26—28).

¹³⁶ АСЭИ III, № 11 (дата как выше), с. 27. О слове *доступнѣ* см. Тамань, 99—101.

¹³⁷ Так, например, упомянутое выше (сн. 122) слово *статок* 'движимое имущество, домашние вещи' в московской деловой письменности впервые засвидетельствовано в договоре Василия II с Казимиром IV 1449 г. (ДДГ № 53, с. 162), а потом — в одной из жалованных грамот Василия II митрополиту Ионе 1448—1461 гг. (АФЗХ I, № 116, с. 108).

В 1459 г. восточнорусские епископы пишут западнорусским:

- (78) тотъ Григорей не истинный митрополитъ, но ложный, носитъ съ собою листы папины [...] а въ тѣхъ листѣхъ пишетъ на осподина нашего Юнѹ, митрополита кievьскаго и всея Руси, а именуетъ его отщепенцемъ и отступникомъ¹³⁸.

Слово *отщепенец* (< польск. *odszczypieniec*)¹³⁹ свидетельствует о том, что «папины листы» стали известными в Москве в западнорусском переводе. Один их этих переводов — грамоты папы Пиуса II Казимиру IV — сохранился в составе Софийской II летописи (список XVI в.); в западнорусском тексте на самом деле Иона назван «отщепенцем»:

- (79) которыхъ стороны черезъ *отщепенца* и противника и тежъ злочестиваго сына Юнѹ черныца, который же учинился архіепископомъ Рускимъ [...]; а не припустилъ вы того Юны *отщепенца*¹⁴⁰.

В окружном послании Ионы литовским епископам 1458—1459 гг. мы читаем, что Константинопольский (униатский) патриарх Григорий Маммас

- (80) всю свою ересь обнажилъ есть, якоже и свидѣтельствуют нынѣшняя самая его писанія, еже пишетъ сице: «Григорій, милостію Божією *арцибискупъ* коньстянтиноградскій» [...] Который господинъ нашъ преже бывшій патриархъ коньстянтиноградскій себе именовалъ «*арцибискупомъ* коньстянтиноградцкймъ»?¹⁴¹

Негодование Ионы вызывает употребление западнорусского слова *арцибискуп* (< польск. *arcybiskup*) по отношению к главе православной церкви, само слово *арцибискуп* употребляется и в памятниках флорентийского цикла, но всегда только по отношению к католическим архиепископам¹⁴². По-видимому, и здесь цитируется западнорусский перевод, который, однако, не сохранился¹⁴³. В послании 1459 г. литовским

¹³⁸ РИБ VI, № 84, с. 633.

¹³⁹ О слове *отщепенец* на восточнославянской почве см. В. В. Виноградов. Из истории русской литературной лексики (К вопросу об исторических связях русского, украинского и белорусского языков): Доклады и сообщения Филологического факультета МГУ, 1947, вып. 3, 7—12; М. Г. Булахѹ. Нататкі па гісторыі лексікі: Беларуская мова (Даследаванні па лексікалогіі). Галюўны рэд. М. Р. Суднік. Мінск, 1965, 47—48; Kochman PRS 15.

¹⁴⁰ ПСРЛ 6, 168; ср. в латинском тексте: «...partibus, que per *scismaticum* et rebellem ac iniquitatis filium Ionam monachum se pro archiepiscopo Russie totius gerentem occupantur [...], non permittas eundem Iohannem [sic!] *scismaticum* [...]». Латинский текст грамоты издан А. Прохаской: А. Prochaska. Nieznane dokumenta do unji florenckiej w Polsce: Ateneum Wileńskie I (1923) 68—69.

¹⁴¹ РИБ VI, № 81, с. 622.

¹⁴² Ср., напр., латыньскихъ земль *арцибискупи* [sic!] и *бискупи*; *арцибискупи* и *бискупи* Латыньстии (ПСРЛ 25, 254); [папа] съ *арцибискупы* и *бискупы* своими (там же, 257). О слове *арцибискуп* см. Leeming, 36.

¹⁴³ Ср. письмо Григория Маммаса Казимиру IV от 20 ноября 1458 г., в котором патриарх титуруется следующим образом: «Gregorius miseratione divina archiepiscopus Constantinopolitanus nove Rome et universalis patriarcha» (А. Prochaska. Nieznane dokumenta, 71—72).

- (81) княземъ, и честнымъ *паноиъ* и бояромъ [...], желая *завсе* [и] прося у Бога, еже ми быти у васъ,

Иона подробнее останавливается на отступничестве Исидора:

- (82) Да тогда же, слышимъ, какъ пришелъ въ ригу, и стрѣтили его съ кресты наше великое православіе, держа честь пошлюю святительскую, а *капканове* отъ своей возницы стрѣтили по своему, съ своими *крыжи*¹⁴⁴,
- (83) да тогда жъ явное свое отступленіе показавъ, именѹя себе и пиша *лекгитосоиъ* и называяся *кгардиналоиъ* [...] да отъ того времени повсюду ѹчалъ литургисати въ хоромѣхъ, на *столицѣ* [...], и *папежевъ* имя началъ былъ поминати въ святѣи нашей апостольской церкви¹⁴⁵.

Большинство выделенных слов (за исключением слова *столец* 'престол') засвидетельствовано и в памятниках флорентийского цикла, обращает на себя внимание сохранение графического западнорусизма *кг* в написании слов *лекгатос*, *кгардинал*¹⁴⁶.

В письме к смоленскому епископу Мисаилу Иона пишет о том же:

- (84) Нынѣ пакъ, какъ слышимъ, пришлоъ тѹто къ вамъ въ *литовское осподарство* отъ римскіе церкви ѹченикъ и единомысленикъ того отступника, Исидоровъ, Григорей и именѹетъ себя митрополитомъ Кіевскимъ и всеа рѹси, съ *папежскими листы*,

сообщая, что

- (85) нынѣ отъ короля къ великому князю о томъ отступникѣ о Григорьѣ Якувѣ *писарь* да Ивашенець приѣздили посольствомъ¹⁴⁷.

¹⁴⁴ РИБ VI, № 85, с. 633. О словах *капкан*, *крыж* см. Leeming, 64, 69.

¹⁴⁵ РИБ VI, № 85, с. 637.

¹⁴⁶ Слово *папеж* в XV в. является новым заимствованием через западнорусское посредство из польск. *parież*, а не прямым продолжением цсл. моравизма *папежь*, известного в цсл. памятниках русской редакции с XI в., ср. Leeming, 86. Слово *гардинал* ~ *кардинал* заимствовано, возможно, прямо из итальянского (Leeming, 65), но написание с *кг*- в данном случае свидетельствует о западнорусском фильтре. Слово *легатос* восходит к новой (полученной от папы) титулатуре *Исидора*, ср. в его грамоте, включенной также в московские летописи: «Исидоръ милостію божею преосвященный архепископъ Кіевъскы и всеа Руси, *легатосъ* и от ребра апостольского седалища Лятскаго и Литовскаго и Немецкаго» (ПСРА 25, 258; ср. также ПСРА 6, 159); *легатос* < лат. *legatus* 'посол' с греческим окончанием, весь титул является калькой лат. *legatus a latere sedis apostolicae*. Слово *столец* 'престол, столица' зафиксировано в настольной грамоте Казимира IV Ионе от 31 января 1451 г.: «И дали есмо ему *столецъ* митрополичь кіевскій и всеа Руси» (РИБ VI, № 67, с. 564—565). Ср. также в другой грамоте Ионы в Западную Русь (1458 г.): «Благословеніе Ионы [...] нареченному въ настоятельство того священного *столица*, старцу Калисту» (РИБ VI, № 79, с. 613). Ср. ст.-укр., ст.-блр. *столиць* (ССУМ 2, 388—389; А. М. Булыка, указ. соч., 308), др.-польск. *stolec* 'престол; столица' (см. Kochman PRS, 129—130).

¹⁴⁷ РИБ VI, № 88, (1460, 1461 гг.), с. 662. О слове *лист* 'грамота' см. Тамань 115—116; S. Kochman. Z badań nad terminologią dyplomatyczną w języku rosyjskim XVI—XVIII w., 1) *gramota*, 2) *list*:

Приведенные тексты свидетельствуют об оживленном культурном обмене между Западной и Московской Русью в середине XV в., в результате которого в деловой язык Московского государства уже в этот ранний период проникло совсем показательное число западнорусских лексических элементов. Не все из приведенных слов стали общеупотребительными в великорусском. Тем не менее они помогают понять те историко-языковые условия, в которых осуществилось заимствование таких важных терминов, как *господарь* и *господарство*, переоформленных позже уже на великорусской почве в *государь* и *государство*.

13. Поскольку мы работаем преимущественно с изданными памятниками, то весьма затруднительно установить, когда и в каких условиях произошла замена формы *господарь* формой *государь*. С уверенностью можно лишь сказать, что слово это до конца XV в. употреблялось исключительно в форме (*г*)*осподарь*, о чем свидетельствует множество несокращенных написаний в актовом материале, а также в летописях¹⁴⁸. С конца XV в. устанавливается сокращенное написание слова в виде *гдѣрь*, которое издателями текстов раскрывается как *государь*. Этот издательский прием привел к заблуждению и Г. Штекля, который пришел к выводу, что «около 1492 г. довольно резко прекращается употребление формы *господарь* в московских канцеляриях и с тех пор *государь* становится единственным, постоянно употребляемым обращением к московскому великому князю»¹⁴⁹. Из сказанного выше вытекает, что речь идет просто о распространении сокращенного написания слова, и это свидетельствует лишь о приспособлении его к сокращенному написанию однокоренных церковно-славянских слов *гдѣ*, *гнѣ*, в чем можно видеть проявление графической адаптации слова к церковнославянской графической системе. В тех немногочисленных случаях, когда слово пишется без титла, и в XVI в. мы встречаем еще *господарь*. Так, например, в надписи на печати великого князя Василия Ивановича титул пишется следующим образом:

(86) Великии кн(я)зь Василен б(о)жнѣю милостию господарь всеа Рүсини¹⁵⁰.

Zeszyty Naukowe Wyższej Szkoły Pedagogicznej w Opolu, Filologia Rosyjska 16 (1978) 73—86; о слове *господарь* 'дьяк' см. Kochman KD II, 72—73.

¹⁴⁸ Ср. *оспод(а)рю* — ДДГ № 8а (ок. 1486 г.), с. 305, *осп(о)д(а)рю* — № 80б, с. 305, *оспод(а)рь* — № 86 (1499 г.), с. 347—348 (3х), *господарь* — № 87 (ок. 1503 г.), с. 350; *осподарем* — АСЭИ I, № 271 (1455—1466 г.), с. 195, *осподарѣ* — № 340 (1464—1478 гг.), с. 248, № 523 (1485—1490 гг.), с. 400, № 542 (1489—1503 гг.), с. 421; *осподарь*, *осподарю*, *осподаря* — ПДКр I, № 1 (1474 г.), с. 3—4, *осподарю* — № 12 (1485 г.), с. 44, *осподарь* — с. 45, *осподарь*, *осподарьство* — № 20 (1487 г.), с. 72, *осподаря* — с. 74, № 21 (1489 г.), с. 76, *осподарь* — с. 77; *осподара* — ПДП I, № 2 (1488 г.), с. 9, *господарь* — с. 13; *господарьству* — № 15 (1492 г.), с. 58, *осподарьству* — № 22 (1493 г.), с. 104 и т. д. Из летописных источников см., напр., во Псковской 2-й летописи (список конца XV в.) — 1441 г.: не хотяще ослушати ся своего *осподаря* (ПсковЛет 2, 46), 1460 г.: чтобы ты, *господарь*, поборони свою отчину пскович от поганых Немець (51), 1480 г.: и сами *господари* великии князи о семъ вѣсте, может ли един рабъ двѣма *господарема* работати; по еуангельскому словеси, ли единого възлюбит, а о друземъ нерадिति начнет; тако и мы не хошемъ двема работати, но хошемъ единого *осподаря* держати ся великого князя Ивана Васильевича (61; этот пример интересен как случай употребления в одном контексте слова в старом значении 'хозяин, владелец раба' и в новом — в качестве великокняжеского титула); 1486 г.: как намъ *господарь* укажет (69).

¹⁴⁹ G. Stückl, указ. соч., 115.

¹⁵⁰ АРГ № 34 (1507 г.), с. 40; см. также № 23 (1506—1507 гг.), с. 32; № 193 (1521 г.), с. 193.

В духовной П. М. Плещеева 1510 г. — наряду с написанием $\widehat{\text{ГДРЬ}}$ встречается и форма *осподарь*:

- (87) Да что мя пожаловал осподарь княз(ь) Юрьи Иванович своими д(ε)р(ε)в-
нями [...] ¹⁵¹

На монетах Ивана Грозного слово фигурирует все еще в форме *осподарь*:

- (88) Кнзь великі Иван Васілевїч усподарь всеа Роуси ¹⁵².

По свидетельству иностранцев, в конце XVI — начале XVII в. форма *господарь* была еще в употреблении: фон Штаден во второй половине XVI в. пишет *haspodar* ¹⁵³, Флетчер (1591 г.) — *hospodare* ¹⁵⁴, Маржерет (1607 г.) — *hospodar, jspodar* ¹⁵⁵, Фенне (1607 г.) — *aspodar, aspodarschoi* ¹⁵⁶ и *gospodar* ¹⁵⁷. Однако в словаре Соважа 1586 г. наряду с формами *асподаре, асподарыня* встречается уже и *асударь* ¹⁵⁸, правда, не в составе царского титула, а только в качестве вежливого обращения. В лингвистических изданиях русских текстов, написанных русскими, форма *государь* нам встретилась впервые в переводе письма с вестями из Дании 1645 г., в котором говорится о датском короле:

- (89) а онъ еще молодѡ" госѡда ¹⁵⁹.

Слово *госѡда* ⁹ и здесь написано впрочем после зачеркнутых букв *гд*, т. е. переводчик и здесь сначала хотел написать $\widehat{\text{ГДРЬ}}$ ¹⁶⁰. Отметим, что в этих текстах засвидетельствована и форма *господарь*, но уже как титул молдавского и валахского воевод:

- (90) и чаю^т чтѡ с нимъ соединитиса во^нскамъ господарѣ^н мо^ддавского и
воло^жского ¹⁶¹.

На основе этого довольно скудного материала можно лишь предварительно отнести процесс вытеснения формы *господарь* формой *государь* к концу XVI — началу XVII в. Форма *государь* возникла, несомненно, в разговорной речи; удовле-

¹⁵¹ АРГ № 59, с. 64.

¹⁵² СрезнМат II, 735.

¹⁵³ IssGRS 276.

¹⁵⁴ H. Leeming. The Phonology of Russian Words in 16th-century English Sources: Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego 25 (1967) 210—211.

¹⁵⁵ D. S. Worth. The French Captain's Russian: Russian Linguistics 5 (1981) 205; B. M. Живов. Margeretiana renovata: Russian Linguistics 6 (1982) 339, 346.

¹⁵⁶ Tönnies Fenne's Low German Manuel of Spoken Russian, Pskov, 1607. Edited by L. L. Hammerich, R. Jakobson, Elizabeth van Schooneveld, T. Starck and A. Stender-Petersen I—II. Copenhagen, 1961—1971, I, 480, cp. II, 455.

¹⁵⁷ Там же, I, 38, cp. II, 24.

¹⁵⁸ IssGRS 284.

¹⁵⁹ Вести-Куранты 1645—1646, 1648 гг. Издание подготовили Н. И. Тарабасова, В. Г. Демьянов. Под ред. С. И. Коткова. М., 1980, № 5, л. 397, с. 18.

¹⁶⁰ Там же, см. сн. 3 к л. 397.

¹⁶¹ Там же, № 45 (1646 г.), л. 76, с. 124; cp. также черновик — Приложение № 7, л. 581, с. 234.

творительное решение вопроса о характере перехода *господарь* > *государь* требует дальнейших исследований источников. Существенным этапом дальнейших исследований могло бы быть раскрытие истории акцентуации этого слова на великорусской почве, поскольку записи иностранцев типа *haspodar*, *aspodar*, отражающие произношение конца XVI—начала XVII в., указывают на ударение на предпоследнем слоге, что фонетическую интерпретацию перехода *господарь* > *государь* делает весьма проблематичной. На наш взгляд, более надежна мысль П. Я. Черных о том, что мы имеем дело с контаминацией с гнездом *суд*, *судить*. Контексты, в которых эти понятия сближаются, имеются в летописях, ср., напр., рассказ Псковской 3-й летописи (список 60-х гг. XVI в.) о споре Ивана III с Новгородом о титуле под 1477 г.:

- (91) **вам своимъ господином челом внемъ; а что государи васъ, а то не зовѣмъ, а соуд вашимъ намѣстником на городище по старинѣ, а что вашему соуду великихъ князей, ни вашихъ тивуномъ [sic!], а то в насъ не быти, ни дворище вамъ Ярослава не даемъ [...]**¹⁶².

Предположение это, однако, нуждается в дополнительных доказательствах, и вопрос о характере перехода *господарь* > *государь* мы вынуждены считать и в дальнейшем открытым.

14. Предыстория слова *государь* не будет полной, если мы не скажем несколько слов о расширении употребления этого титула в XV—XVII вв. Как уже было отмечено (ср. сн. 103), во второй половине XV в. титул *господарь* стали употреблять и некоторые удельные князья, тверской великой князь, а также в качестве коллективного титула — Великий Новгород незадолго до своего присоединения к Москве. Кроме этого, титул *господарь/государь* употреблялся иногда и по отношению к представителям высшего духовенства¹⁶³.

По-видимому, довольно рано начинает употребляться слово *господарь* как почтительная форма обращения жены к мужу (или упоминания о муже), ср. уже в грамоте 1482—1483 гг.:

- (92) **Се ꙗ³ Настасья Прокоеѣва жена Двдвча [...] придала еси то село съ вѣ^м с тѣ^м. ка^к вѣ^да^а усподарь мои Прокоеѣи Давыдови^и. да и ꙗзъ ка^к вѣ^дала после усподара свое^г Прокое^и Двдвча**¹⁶⁴.

Такое употребление могло распространиться из великокняжеского двора, где великая княгиня называла своего мужа, естественно, *господарем*, ср. уже в жалованной грамоте великой княгини Марьи Ярославовны 1450 г. (по современному списку):

- (93) **По Осподаря своего грамотѣ Великого князя Василія Васильевича, се ꙗзъ Княгини Великая Марья пожаловала есмь [...]**¹⁶⁵.

¹⁶² ПскЛет 2, с. 209; ср. Н. М. Карамзин, указ. соч. VI, с. 67—69, примеч. 149.

¹⁶³ G. Stöckl, указ. соч. 115 (1455 г.); ср. еще СрезнМат I, 572 (1491—1543 гг.); СРЯ XI—XVII вв., 4, 109 (1626 г.).

¹⁶⁴ Памятники русской письменности XV—XVI вв., Рязанский край. Издание подготовили С. И. Котков, И. С. Филиппова. Под ред. С. И. Коткова. М., 1978, № 2, с. 9.

Эту линию развития значения и расширения употребления слова мы считаем очень важной, поскольку она способствовала относительно быстрому распространению канцеляризма по происхождению слова в повседневной жизни, быстрой «демократизации» первоначально великокняжеского титула в быту (да ведь дома каждый мог титуловаться *господарем/государем*) и превращение его к XVII в. в общеупотребительную форму почтительного обращения.

15. В заключение хотелось бы вернуться в деривату (*г*)*осподарство*, который, как было отмечено, засвидетельствован впервые в грамотах митрополита Ионы, адресованных в Литву и в Казань, изобилующих западнорусизмами (ср. 11). Это обстоятельство подтверждает наше мнение, сформулированное на основе еще значительно меньшего фактического материала, о том, что русск. *государство* < *господарство* является заимствованием из западнорусского *господарство*, которое в свою очередь калькирует польск. *państwo*¹⁶⁵. В посольских книгах конца XV в. *господарство* встречается обычно только в дипломатических заявлениях польско-литовской стороны, ср., например, в посольстве 1488 г.:

(94) **намъ и нашимъ государствомъ отъ тебе съ твоѣѣ земли великіи шкоды ся дѣють**¹⁶⁷,

или в посольстве 1493 г.:

(95) **ино тотъ князь исъ стародавна нашъ слуга есть къ нашему осподарству, къ великому князству Литовскому**¹⁶⁸.

¹⁶⁵ АИ, № 49, с. 98.

¹⁶⁶ Ср. нашу статью, указанную в примечании 18.

¹⁶⁷ ПДП I, № 4, с. 15.

¹⁶⁸ ПДП I, № 22, с. 104. Ср., однако, также в договорной грамоте Ивана III с императором Максимилианом 1490 г. (московский проект): «А почнешь, брате, ты доставати [...] вашего Государства Рускихъ земель» (ПДС I, 39) и (официально утвержденный текст, обратный перевод с немецкого или латинского): «А почнешь ты, нашъ братъ любовной, съ Божіею помощью доставати своего отечества Великого Княжества Кіевского, что тянеть къ твоему Государству Рускихъ земель» (там же, 67). Бросается в глаза в этом тексте полонизм *доставати* (< польск. *dostawać*, ср. Kochman PKJ 106; *G. Kotošixin. O Rossii v carstvovanie Alekseja Mixajloviča. Edited with a Commentary by A. E. Pennington. Oxford, 1980, 387*; ср. также в нашей рецензии на эту последнюю книгу: StSI 29 (1983) 273, сн. 17; дополнительно укажем на многочисленные случаи употребления глагола *доставати/доставати* в ДДГ № 62, 1461—1462 гг., по списку конца XV в., с. 199—201); ср. также несколько дальше: «а будетъ намъ *валка* съ Казимеромъ съ Королемъ» (там же, 39; ср. 67). Слово *валка* 'война' заимствовано посредством западнорусского (ССУМ I, 151; *А. М. Булыка, указ. соч., 55*) из польск. *walka* (КОСНМАН КогДурI, 43—44). Употребление этих слов указывает на то, что уже при составлении московского проекта договора воспользовались или каким-то западнорусским образцом, или же сформулирование документа было поручено кому-то из выходцев из Литовской Руси (ср. *Я. С. Лурье. О путях развития светской литературы в России и у западных славян в XV—XVI вв.: Труды Отдела древнерусской литературы, 19. М.—Л., 1963, 267*; *А. Л. Хорошкевич, указ. соч. 233*). К сожалению, цитированные выше издания не преследуют лингвистических целей; можно только предполагать, что пишется в них *государь*, если в подлиннике стояло **ГДРЬ**, а *господарь, осподарь* — если в рукописи слово было написано без сокращения.

Польск. *państwo* 'государство' калькирует лат. *dominium* и *dominatio*¹⁶⁹. Таким образом, русск. *государство* в конечном итоге представляет собой семантический латинизм, опосредованный польским и западнорусским языками. Это тем более замечательно, что в двух остальных современных восточнославянских литературных языках — в украинском (*держава*) и белорусском (*дзяржава*) — для выражения понятия «государство» употребляется церковнославянизм *держава*, представляющий собой кальку с греческого¹⁷⁰. Итак, предыстория слов *государь* и *государство* убеждает нас в том, что изучение западнорусского делового языка имеет большое значение для истории русской лексики, в отдельных случаях даже большее, чем для истории украинской или белорусской лексики.

Сокращения

АЗР I — Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археологической комиссией, I. СПб., 1846.

АИ I — Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией, I. СПб., 1841.

АРГ — Акты Русского государства 1505—1526 гг. Составил С. Б. Веселовский. М., 1975.

АСЭИ — Акты социально-экономической истории северо-восточной Руси конца XIV — начала XVI в., I—III. М., 1952—1964.

АФЗХ — Акты феодального землевладения и хозяйства, I—III. Москва, 1951—1961.

АЮЗ I — Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией, I. Санкт-Петербург, 1863.

Булыка — А. М. Булыка. Даўня папазычанні беларускай мовы. Мінск, 1972.

ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Под ред. С. Н. Валка. Москва—Ленинград, 1949.

ГрXIV — Грамоты XIV ст. Упорядкування, вступна стаття, коментарі і словники-показчики М. М. Пещак. Київ, 1974.

ГрXV — Українські грамоти XV ст. Підготовка тексту, вступна стаття і коментарі В. М. Русанівського. Київ, 1965.

ГрСмоленск — Смоленские грамоты XIII—XIV вв. Подгот. к печати Т. А. Сумникова и В. В. Лопатин. Под ред. Р. И. Аванесова. Москва, 1963.

ГрПолоцк I — Полоцкие грамоты XIII — начала XVI вв. I. Сост. А. Л. Хорошкевич. Москва, 1977.

ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. Подгот. к печати А. В. Черепнин. Москва—Ленинград, 1950.

ОбнБарх I — С. Н. Обнорский, С. Г. Бархударов. Хрестоматия по истории русского языка I. Москва, 1952.

ПДКр I — Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Нагайскою ордами и с Турцией I (= СРИО 41). Санкт-Петербург, 1884.

¹⁶⁹ Ср. *J. Matuszewski*. O państwie i Państwie: Czasopismo Prawno-Historyczne 10 (1958) 2: 77—104, особенно 87—89. Ср. также польские глоссы в латинских текстах: *dominus* — *pan*, *dominum* — *państwo* (SŁP III, 836; SStp VI, 35—36).

¹⁷⁰ Ср. греч. *κράτος* от *κρατεῖν* 1. 'держать', 2. 'владеть, править'. Ср. *Fr. Miklosich*. Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Vindobonae 1862—1865, 177—178; *Slovník jazyka staroslovenského*, sv. 10. Hlavní red. J. Kurz. Praha, 1965, 520—522.

ПДП I — Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством I (= СРИО 35). Санкт-Петербург, ²1892.

ПДС I — Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными, ч. 1, Сношения с Государствами Европейскими I, Памятники дипломатических сношений с империею Римскою (с 1488 по 1594 год). Санкт-Петербург, 1851.

Преобр — А. Г. Преображенский. Этимологический словарь русского языка I—II. Москва, ²1959.

ПсковЛет — Псковские летописи 1—2. Под ред. А. Н. Насонова. Москва (—Ленинград), 1941—1955.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.

ПСРЛ 2 — Ипатьевская летопись (= ПСРЛ 2). Санкт-Петербург, 1908.

ПСРЛ 6 — Софийская вторая летопись (= ПСРЛ 6). Санкт-Петербург, 1853.

ПСРЛ 25 — Московский летописный свод конца XV в. (= ПСРЛ 25). Москва—Ленинград, 1949.

ПСРЛ 35 — Летописи белорусско-литовские (= ПСРЛ 35). Москва, 1980.

РИБ VI — Памятники древнерусского канонического права, ч. 1. (Памятники XI—XV вв.). Русская историческая библиотека VI. Санкт-Петербург, ²1908.

Розов УкрГр — В. Розов. Українські грамоти I, XIV в. і перша половина XV в. Київ, 1928.

СрезнМат — И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам I—III. Санкт-Петербург, 1893—1903.

СрезнПам — И. И. Срезневский. Древние памятники русского письма и языка (X—XIV вв.). Общее повременное обозрение. Санкт-Петербург, ²1882.

СРИО — Сборник императорского русского исторического общества.

ССУМ — Словник староукраїнської мови XIV—XV ст. 1—2. Київ, 1977—1978.

ССЯ — Словарь русского языка XI—XVII вв. 1—. Москва, 1975—.

Тамань — В. М. Тамань. Полонизмы в языке русских памятников XVI века: Ученые записки ЛГУ 267, Серия филологических наук 52 (1960) 98—124.

ТрубЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков, Праславянский лексический фонд. Под ред. О. Н. Трубачева 1—. Москва, 1974—.

Фасмер — М. Фасмер [M. Vasmer]. Этимологический словарь русского языка. Перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубачева. I—IV. Москва, 1964—1973.

Черных — П. Я. Черных. Очерк русской исторической лексикологии. Москва, 1956.

ШанЭСРЯ — Этимологический словарь русского языка. Под ред. Н. М. Шанского I/1—. Москва, 1963—.

DIR-B I — Documente privind istoria României B. Țara Românească I. Veac 13, 14 și 15. București 1953.

NRM Suppl — Supplementum ad Historica Russiae monumenta. Petropoli, 1848.

Iss GRS — A. Issatchenko. Geschichte der russischen Sprache 1, Von den Anfängen bis zum Ende des 17. Jahrhunderts. Heidelberg, 1980.

Kochman KD — S. Kochman. Polonizmy w języku rosyjskiej korespondencji dyplomatycznej (1487—1571) I—IV: Sprawozdania Opolskiego Towarzystwa Przyjaciół Nauk 1969—1972, seria B, 7 (1971) 37—54, 8 (1972) 63—64, 9 (1973) 33—42, 10 (1974) 15—27.

Kochman PKJ — S. Kochman. Polsko-rosyjskie kontakty językowe w zakresie słownictwa w XVII wieku. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1967.

Kochman PRS — *S. Kochman*. Polsko-rosyjskie stosunki językowe od XVI do XVIII w., Słownictwo. Opole, 1975.

KuraszkFil — *W. Kuraszkiewicz*. Gramoty halicko-wołyńskie, Studium filologiczne: *Byzantinoslavica* IV (1932) 335—364.

KuraszkJęz — *W. Kuraszkiewicz*. Gramoty halicko-wołyńskie, Studium językowe. Kraków, 1934.

Leeming — *Y. Leeming*. Rola języka polskiego w rozwoju leksyki rosyjskiej do roku 1696, Wyrazy pochodzenia łacińskiego i romańskiego (= PAN — Oddział w Krakowie. Prace Komisji Językoznawstwa 44). Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk, 1975.

MonSerb — *Monumenta serbica spectantia historiam Serbiae, Bosnae, Ragusii*. Ed. Fr. Miklosich. Viennae, 1858.

Słowski SE — *F. Słowski*. Słownik etymologiczny języka polskiego I—. Kraków, 1952—.

SŁP — Słownik łaciny średniowiecznej w Polsce. Pod red. M. Plezi. I—. Wrocław—Kraków—Warszawa, 1953—.

SSp — Słownik staropolski. Red. naczelny S. Urbańczyk. I—. Warszawa (Wrocław—Kraków—Gdańsk), 1953—.

StSl — *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae* I—. Budapest, 1955—.